

ТРАДИЦИИ И СИМВОЛЫ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЫЯ

Центр поддержки проектов и программ «Чёрная лиса»
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
Тотемское музейное объединение

ТРАДИЦИИ И СИМВОЛЫ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЫЯ

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2022

УДК 39(470.12)
ББК 63.5(2Рос-4Вол)
Т65

При поддержке Президентского фонда культурных инициатив

Редколлегия:

Рахманова Л. Я. (ответственный редактор), к.соц.н., старший преподаватель, и.о. руководителя Департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ;
Новосёлов А. М., директор МБУК «Тотемское музейное объединение»;
Чернега А. А., к.соц.н., начальник отдела туризма и общественных проектов администрации Тотемского округа Вологодской области;
Шамахова Ю. Н., директор МБОУ «Бабушкинская СШ», руководитель проекта «Центр культурных инициатив «Чёрная лиса»

Составитель

Рахманова Л. Я.

Дизайн, оформление

Доброва Я.

Т65 **Традиции и символы Среднего Посухонья** / Центр поддержки проектов и программ «Чёрная лиса», НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Тотемское музейное объединение ; редколлегия: Рахманова Л. Я. (ответственный редактор) [и др.] ; составитель Рахманова Л. Я. ; дизайнер Доброва Я. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2022. – 100 с.: ил.

ISBN 978-5-91965-309-7

Издание вдохновлено поиском нового прочтения давно известных в этнографической и краеведческой литературе сюжетов, традиций и образов культурного региона Среднего Посухонья (бывший Тотемский уезд). В центре сюжетов оказываются явления, которые настолько слились с повседневностью, что их перестали замечать: фитотерапия и знахарство, старинные любовные привороты, эстетика севернорусской деревянной архитектуры, дух советского производства в церкви стиля «Тотемское барокко», биографии музейных экспонатов – все они предстают в новом свете. Книга создана в творческом альянсе с университетской средой: над ней работали коллектив студентов и исследователей-антропологов. Этнографические исследования на тотемской земле стали возможны благодаря поддержке Фонда образовательных инициатив НИУ ВШЭ (программа «Открываем Россию заново») и Президентского фонда культурных инициатив (проект «Центр культурных инициатив «Чёрная лиса»).

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой повседневности Русского Севера, будет полезна для исследователей малых городов и сел в контексте этнографии, культурологии, социологии, а также преподавателей ВУЗов и кураторов полевых практик и студенческих экспедиций.

ISBN 978-5-91965-309-7

УДК 39(470.12)
ББК 63.5(2Рос-4Вол)

Т65

© АНО «Центр поддержки проектов и программ «Чёрная лиса», 2022

© Рахманова Л. Я., составление, 2022

© Доброва Я, дизайн, оформление, 2022

© Оформление. ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОР В ДЕЙСТВИИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТОТЬМИЧЕЙ

- 11 Новый образ трав и травничества в Тотемском уезде:
«современные травы» как ремесло, взаимопомощь
и жизненная философия
Дарья Плетюшкина
- 17 Русская печь в Тотье: памятник, память и привычка
Демид Иванов
- 25 «К ней приворожили, от меня отворожили» —
как наследие русских свадебных ритуалов нашло
отражение в любовных приворотях
Светлана Иванова

ПРОЕКТЫ В ДЕЙСТВИИ: ОТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО МЕЦЕНАТСТВА К ГРАЖДАНСКИМ И ТВОРЧЕСКИМ ИНИЦИАТИВАМ

- 35 «Активные люди» в Тотье: новая и старая традиция
Анна Смирнова
- 41 Спонтанное сотворчество в Тотье
Яска Доброва

АРХИТЕКТУРА В ДЕЙСТВИИ: ЖИТЬ В «НАСЛЕДИИ» И ЖИТЬ С НАСЛЕДИЕМ

- 53 Современная жизнь тотемской деревянной архитектуры
Елена Смолькова
- 61 «По случаю досталось» и другие истории
современного Тотемского рынка недвижимости
Анна Очерет

СОДЕРЖАНИЕ

КОГДА МОЛЧАТ ЗДАНИЯ И ГОВОРЯТ ПРЕДМЕТЫ: СЛОИ ПАМЯТИ В ЦЕРКОВНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И МУЗЕЙНОЙ ИСТОРИИ

67 Винзавод во Входе-Иерусалимской церкви:
«Кровь Господа» или просто «клюквенное и брусничное»?
Марина Горбунова

74 Хроники экспедиций и биографии экспонатов:
когда предмет говорит о себе через дневники
Дарья Москвина

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ТРАДИЦИИ: СТЕРЕОТИПЫ, ОЖИДАНИЯ И МОДНЫЕ ТРЕНДЫ В МАЛОМ ГОРОДЕ

85 «Собачья культура» в Тотьме: как город одновременно
присоединяется и отстраивается от моды мегаполисов
через своих питомцев
Арсений Малиновский

91 В ожидании возвращения: Тотьма как место
самореализации творческих инвестиций
Элеонора Говоровская

96 Список иллюстраций

ФОЛЬКЛОР В ДЕЙСТВИИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТОТЬМИЧЕЙ

НОВЫЙ ОБРАЗ ТРАВ И ТРАВНИЧЕСТВА В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ: «СОВРЕМЕННЫЕ ТРАВЫ» КАК РЕМЕСЛО, ВЗАИМОПОМОЩЬ И ЖИЗНЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

Дарья Плетюшкина, культуролог

Народная медицина переживает свой рассвет — на полках сувенирных магазинов появляется всё больше местных фиточаев и натуральной продукции, набирает популярность природная косметика. Однако, неверно предполагать, что современное траволечение полностью перешло в коммерческую сферу — в городе и деревнях по-прежнему сохраняются и передаются из поколения в поколение рецепты отваров, компрессов и настоек. Эта традиция сосуществует с медициной и наукой, а справочники народной медицины — своего рода семейные реликвии — дополняются, не без критического взгляда со стороны опытных травниц, знаниями из интернета. Несмотря на популярный стереотип о бабках-травницах, такими методами лечения увлекается и более молодое поколение. «*Старость — время заняться здоровьем*», — услышала я от пенсионерок в д. Середская, между тем, собственное самочувствие и самочувствие близких всё больше волнует людей совершенно разных возрастов — молодые травницы заваривают травы детям для купания и восполнения недостающих витаминов, родителям — для компрессов и здоровья сердца, спины и суставов и себе — в самых разных целях. Чем же живет современное траволечение и что люди, которые им занимаются, думают о травах, природе и здоровье? С этими вопросами я летом приехала в Тотму и три недели разговаривала с теми, кто практикует народную медицину в городе и ближайших деревнях, чтобы попытаться найти ответ.

ТРАДИЦИЯ И НАУКА: ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ СОЮЗ?

Травницы, которые коммерчески реализуют свою продукцию, с гордостью упоминают о полученном дополнительном образовании в области фитотерапии (или фитооздоровления), это публично, открыто озвучивается и для повышения доверия покупателей, и из искреннего желания донести до людей важную для самих травниц идею: траволечение и медицина не вступают в противоречие, а только дополняют и обогащают друг друга. Одна из травниц, с которыми я говорила, даже вспоминала, как лестно отзывались её университетские профессора о «*народной мудрости*» — ей нужно доверять, потому что сам факт того, что у людей получалось решать поставленные перед собой оздоровительные задачи без теоретической базы, уже о многом говорит. При этом все мои собеседницы-травницы, которые превращали свое ремесло в продаваемый продукт, заявляли, что научный подход в траволечении — в первую очередь способ сделать практику максимально безопасной для потреби-

теля. Знание пропорций, химического состава растений и их сочетаемости друг с другом является формой заботы о покупателе, про которую я пишу в одном из следующих разделов.

Одна из собеседниц отмечает, что сейчас предубеждений относительно траволечения стало меньше: значит ли это, что идея *непротиворечия* науки и народной традиции, которую продвигают продающие свою продукцию травницы, действительно становится популярной точкой зрения? Однако, предубеждения и стереотипы, связанные с лечением травами всё еще существуют; так, недоверие травницам, «ненаучность» подхода становится синонимична не безопасности, а предполагаемой «недейственности» такого метода лечения. Тем не менее, и подобные стереотипы зачастую разрушаются «практикой», ситуациями, в которых траволечение показывает себя не менее действенной целебной практикой, чем медицина.

Та же травница рассказала о случае, когда её сосед однажды случайно отрезал себе палец пилой и, несмотря на всю проделанную врачами работу, рана не заживала после операции. «Он пришел ко мне и говорит: *давай свою траву эту, про которую говорила*», — рассказывает женщина; рана зажила за два дня и, по словам травницы, врачи в местной больнице не поверили в такой результат. Между тем, люди далеко не всегда обращаются к травам и целительской традиции после неудачного опыта с медициной, кто-то продолжает «ходить по врачам», а кто-то, к сожалению, и вовсе отчаивается найти помощь в медицине как таковой из-за некомпетентности встречавшихся врачей и больничной бюрократии. Таким опытом делится одна из пожилых женщин, с которой я разговаривала: она долго пыталась попасть на прием к вологодскому эндокринологу, чтобы в итоге получить в ответ на свой запрос лишь талон на повторную запись на пару месяцев позже и задумчиво-шутливое замечание доктора: «...это вопрос к ученым».

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ

Справедливо, правда, заметить, что по большей части траволечение и медицина довольно успешно сосуществуют внутри одной деревни или посёлка, так, например, врачи сами выписывают своим пациентам травяные сборы как отхаркивающее средство, а те, в свою очередь, обращаются к местным «знатокам трав» за советом, какие растения лучше подойдут для решения проблемы. Особенно интересно этот сюжет раскрывается в контексте недавнего COVID-19: женщины, занимающиеся сбором трав в одном из поселков, где я была, рассказывают, как они «поставили на ноги местного врача» после того как тот тяжело переболел коронавирусом. Говоря про COVID-19, стоит упомянуть, что народные методы называют по-особенному действенными и для избавления от последствий болезни (кашля, потери запаха и вкуса, слабости), и для непосредственного лечения и профилактики. Так, один из мужчин, с которым я говорила в том же поселке, упоминает, что настойка-хреновуха помогла ему быстро и безболезненно перенести коронавирус «на ногах» — не отрываясь от работы и важных семейных дел. Хотя, чаще всего травы пьют параллельно с «серьезными» аптечными лекарственными средствами — антибиотиками, жаропонижающими и противови-

русными таблетками. Так, травы выступают как безопасная замена того, «что можно заменить», к примеру — высушенные и заваренные в качестве чая лепестки морозики могут пить вместо отхаркивающих лекарств.

ТРАВЛЕНИЕ VS ЗНАХАРСТВО

Многие из тех, с кем я говорила — травники или люди, в жизни которых травы когда-то присутствовали в качестве оздоровительного средства — проводят четкую границу между травлением и знахарством, практикой магического заговора: не только от болезней, но и, например, на любовь или здоровье скота. О знахарстве и заговорах говорят неохотно, они воспринимаются как «серая зона», куда лучше не заходить, потому что это может быть чревато печальными последствиями — проклятиями из-за личной неприязни знахаря. Примечательно, что никто не говорит о «не сработавшем заговоре» как о негативном результате такого исцеления, многие из тех, кто лечится травами или традиционными способами, просто не рассматривают эту возможность всерьез, а те, кто «верит» в знахарство — считают, что так называемый «заговор-в-ущерб» может осуществляться лишь по злему умыслу самого знахаря.

Знахари не обязательно используют в своем целительстве особое сырье или предметы: кто-то, по словам местных жителей, лечит любые недуги, с которыми к нему приходят, обычным хозяйственным мылом, настолько, по словам жителей, силен талант. Если же особенные предметы и используются, они зачастую важны и незаменимы для ритуала из-за символического и магического значения, которым наделяются — сами по себе, не в руках «знающего человека», такие подковы, чашки и обереги, не имеют целительной силы. Травы в такой системе ценностей стоят совсем рядом с наукой — они понимаются как доказанное эффективное средство лечения, пусть и альтернативное тому, как принято лечить в госпиталях и поликлиниках.

ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЯ О ТРАВАХ: ОТ БАБУШКИНЫХ РЕЦЕПТОВ К ИНТЕРНЕТУ

Травническая традиция может передаваться от поколения к поколению разными способами, но зачастую в этом процессе участвуют два вида передачи знания — обучение старшими родственниками и чтение специальных книг. Нередко эти способы смешиваются друг с другом — несколько травниц, с которыми я говорила, получали сведения о травах и их действии от старших родственников (в том числе и испытывая на себе травление в детстве), которые, в свою очередь, активно пользовались справочниками растений и пособиями по народной медицине (и таким образом развивали, расширяли традицию, унаследованную уже от собственных бабушек и мам). Иногда книги продолжают читаться следующими поколениями, но чаще такая книга либо становится семейной реликвией, приятным напоминанием о человеке, который её часто читал, либо используется в других целях (например, чтобы обучать детей растениям по картинкам), а практики лечения и оздоровления остаются в повседневности как что-то совершенно обыденное и привычное. Еще одним из источников травнического знания — даже для опытных

пожилых травниц — становится интернет. Одна из женщин отмечает: «Мы даже не знали, что их [некоторые травы] нельзя в таком соотношении применять». Иногда знания, полученные из интернета, разнятся с тем, чему учили в юности, на вопрос «кому в таком случае доверять?» женщина отвечает: «естественно, себе». Это позволяет предположить, что травническое знание всё же не становится полностью зависимым от необходимости постоянно оправдывать себя перед традиционной медициной и доказывать собственную научность. Иногда достаточно собственного знания и практического опыта — причем, не обязательно экспертного, травнического, в первую очередь важность имеет то, что это знание унаследовано.

*БОЛЬШЕ ЧЕМ ПРОСТО РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ
СО ЗДОРОВЬЕМ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
ТРАВНИЧЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТРАВНИЦ*

Травы могут принимать совершенно разную итоговую форму, превращаясь в готовый продукт. Отвары, фиточаи, натуральная косметика или настойки, всё это — результаты сбора и манипуляций над одними и теми же травами. Так или иначе, итоговый продукт чаще всего становится воплощением и символом *заботы*, очень важного для этого сюжета понятия, которое одновременно включает в себя само желание помочь (избавить родственников или соседей от мешающих симптомов, или болезней) и понимание необходимости не навредить (тому, кто доверяет своё тело в процессе помощи, своеобразного лечения, даже если тот, кто лечит или помогает, не считает и не называет себя целителем). Эта забота обязательна и безусловна, потому что вне зависимости от того, получает ли «целитель» от «исцеления» какую-то личную выгоду (деньги или внутреннее спокойствие, моральное удовлетворение), он не может не брать на себя ответственность за благополучие того, чье состояние он пытается улучшить.

Итоговый продукт не всегда продается — это связано не с наделением самого процесса сбора трав мистическим смыслом, коммерчески реализовать который было бы кощунством, и не с объективными мешающими торговле обстоятельствами, а с личными взглядами производителя на свой продукт. Самогонщик, с которым мне повезло поговорить в одном из поселков, утверждал, что не продает свою продукцию не из-за отсутствия лицензии, а из глубокого желания сохранить что-то качественное, натуральное, «свое» для себя, своей семьи и друзей. Так, забота о близких через ремесло воплощается не только через само производство, но и на уровне его позиционирования — будь то забота о друге, страдающем похмельем, болеющем соседе или товарищах, рискующих столкнуться с опасными последствиями употребления «магазинного алкоголя». Отказ от превращения *продукта ремесла в продаваемый продукт* делает это стремление заботиться практически видимым.

Еще одна моя собеседница, пенсионерка-агроном, известна в своей деревне как местная травница, и хотя само слово «травница» и не звучало в разговоре с жителями деревни, ее имя упоминалось, когда я спрашивала про травы. Забота здесь проявляется совершенно иначе: к ней приходят люди — не лечиться, *но спрашивать* — и она советует, что можно сделать

Девочка на сборе трав в конце лета, инициированном сообществом «Городской сад»

в том или ином случае. Агроном не считает себя специалисткой-травницей, хотя и рассказывает, к примеру, об однокурнице (также агроном по образованию), которая сейчас профессионально занимается лекарственными травами. Во время учёбы они вместе учили свойства растений на «полевых» занятиях, которые во многом пробудили интерес к растениям и их лекарственным свойствам у моей собеседницы. Эта ситуация наследования знания отличается от того, о чем я писала ранее — хотя в её семье и практиковалась народная медицина, основную часть своих знаний о траволечении женщина получила в университете, благодаря преподавательнице, которая вела занятия совершенно несвойственным для классического агрономического образования способом — выводя студентов в поле, показывая им растения и рассказывая об их *лечебном потенциале*. Экспертность агронома в траволечении, хоть и полностью ей самой не признаваемая, знание о видах и действии трав, которое она имеет, заставляют её действовать с *заботой*, не только соглашаясь помогать людям, которые к ней приходят, но и максимально бережно используя знания, которые она имеет.

Забота присутствует и в так называемом «коммерческом травничестве», более того — необходимость в этой заботе растет с ростом ответственности перед уже не просто человеком, который доверяет свое тело, но еще и потребителем, покупателем. Натуральная, «природная» продукция становится сувениром — появляясь на полках сувенирных лавок или имея на упаковке пометку «из Тотьмы», так проявляется еще одна форма заботы — забота о репутации и образе своего города или поселения. Производя нечто дорогое, важное для себя, тем более — нечто, непосредственно связанное с природой области или района, травницы пытаются такой маркировкой вызвать ассоциацию одновременно и своей продукции с местом, в котором они живут и занимаются своим ремеслом, и места с его природой.

И, наконец, травничество нередко понимается самими травницами как забота и о себе тоже, своем не только физическом, но и психологическом благосостоянии — сам процесс сбора трав становится формой пси-

хотерапии и медитации. Некоторые специалисты, с которыми я говорила, настаивают на исключительно ручном сборе и обработке трав, так они получают возможность не только создать полезный и натуральный продукт, но и «пообщаться с природой», спокойно и приятно провести время в искренне ими любимом досуге.

*БРАТЬ И ОТДАВАТЬ: ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО
КОММЕРЧЕСКОГО ТРАВНИЧЕСТВА*

В современном коммерческом травничестве забота о природе (например, отсутствие у продукта одноразовой упаковки) смешивается с заботой (*цитируя одну из травниц: внимательностью*) о потребностях покупателя — в натуральности ингредиентов, в действенности продукта, в его понятности, чистоте, полезности и удобстве в транспортировке (например, для туристов, которые покупают продукт в том числе и как сувенир). Маркетинг в этой ситуации осмысливается производителем не просто как «желание продать», а как «внимательность к потребностям и желаниям покупателей».

Одна из травниц описывает и свое возвращение в родной город, и свою профессиональную деятельность через концепцию «брать и отдавать» — в первом случае возвращение в Тотьму для того, чтобы принести городу пользу, становится тем, на что она была способна — и способна до сих пор — *отдать*, после того, как получила необходимый для этого жизненный опыт. Что касается травничества, именно забота о природе путем внесения посильного вклада в экологический активизм становится для неё «отдачей», благодарностью природе за ресурсы, которые она использует для изготовления своей продукции и за получаемый терапевтический опыт при сборе трав.

Несмотря на то, что тема экологии возникала не во всех разговорах с травницами, которые коммерчески реализуют свою продукцию, осознание важности того, чтобы позаботиться о природе в ответ, всё же присутствует всегда. Оно может проявляться совершенно неочевидно, например, через передачу знания и традиции — обучение своих детей целебным свойствам растений, вовлечение их в практику собирательства, прививание детям гордости за свою Родину, если природа в понимании травницы неразрывно связана с такой формой патриотизма. Сама практика сбора трав, если она понимается как общение с природой, также может осмысливаться как своего рода благодарность.

*РУССКАЯ ПЕЧЬ В ТОТЬМЕ:
ПАМЯТНИК, ПАМЯТЬ И ПРИВЫЧКА*

Демид Иванов, историк

Русская печь является важной частью культуры Русского Севера. В Тотьме же она находит свое, более повседневное проявление. Она есть практически в каждом доме в деревнях и у многих, кто живет в пригороде. Их с теплотой вспоминают взрослые и дети, и не удивительно, есть что-то особенное в теплой еде из печи. В них умеют готовить, кажется, целые поколения, которые знают множество как привычных для городских жителей рецептов, так и таких, которые нигде больше не попробованы.

И в то же время почти все функции печи в повседневной жизни тотьмичей сейчас могут быть заменены системой центрального отопления, духовкой и кастрюлей. Так какие же функции играет русская печь в домах тотьмичей сегодня? На этот вопрос я попытался ответить, проводя исследование традиций, памяти и обычаев жителей Тотьмы и деревень и сел Тотемского района.

ЧТО ГОТОВЯТ В РУССКИХ ПЕЧАХ?

«Такое можно только у нас попробовать»^[1].

За время своего наблюдения я сумел как много услышать о различных блюдах, заготовках и традициях, так и лично попробовать. Почти все, когда начинали разговоры, с теплотой в голосе вспоминали своих мам, бабушек, как те готовили им в детстве пироги, молоко и каши. Сейчас часто заготавливают в печи пареные ягоды — морошку, чернику, бруснику. Ягоды сушат, как и грибы.

У одной очень гостеприимной семьи мне довелось попробовать блюдо из молозива — результата первого удоя коровы, после того, как та отелилась. Его смешали с обычным молоком, солью и содой, и получилось легкое и воздушное блюдо, с легким сладко-соленым вкусом. Как мне рассказали, данное блюдо очень помогает с проблемами пищеварения и иммунитета. Топленое молоко не только обладает на удивление приятным вкусом, но и ароматом сливочной ириски. В процессе долгого приготовления сверху образуется пенка. Также оно хранится значительно дольше обычного свежего молока. Помимо молока готовят самые разные каши, мне удалось попробовать гречневую. Каша из печи получается более приятной на вкус, скорее всего из-за реакции молока, описанной выше.

Одним из самых простых и одновременно любимых блюд являются супы, которые в печи можно готовить проще, чем на газу, без постоянной слежки за процессом, и больше, с большими кастрюлями, которых многодетным семьям хватает надолго. Очень много выпекают пирогов, без повода и с поводом. Выпечка является важной частью праздничного стола. В печи пироги и пирожки получаются более ру-

Блюдо из молозива

мяными и пышными, чем в духовке. В деревне Усть-Печеньге на день деревни, как и на другие праздники, порой организуются бабушки, чтобы испечь на продажу пирогов, выступить с песнями и танцами. Это делается не для денежной выгоды, а скорее для того, чтобы чем-то заняться: «Это как отдушина, куда-то выйти, с кем-то пообщаться» и делается не организованно, а по предложению главы деревни: «Если [Глава деревни] попросит, снова сделаем»^[2].

Пирогов на день деревни

По итогу можно сказать, что в печи можно приготовить множество различных блюд, многие получаются в ней и проще, и вкуснее. И в процессе готовки многие проявляют частичку своей причастности к культуре Русского Севера, которую готовы показать другим. Процесс готовки блюд может объединить друзей, членов семьи и соседей, а уникальность готового продукта является предметом гордости.

КТО ГОТОВИТ ДЛЯ КОГО?

Надо признать, готовить в печи может быть дорого, сложно, особенно для людей в возрасте. Также тяжело пользоваться печкой в жаркий сезон, особенно летом. Тепло печи, может в сочетании с высокой температурой воздуха, создает крайне неблагоприятную обстановку дома. Но многие готовы на это не только ради своего удовольствия, чтобы вспомнить детство, но и ради своих детей и внуков. Хотя тут бывают разные случаи.

Представители одной пары, которую я встретил, рассказывали, что если и готовят что-либо в печи, то только для себя, так как их внуки «не едят такое, только мы». Хотя таких случаев и было немного, это показывает, что у разных поколений тотмичей формируются свои вкусовые привычки, но почти все, кто пользуются печью, находят для нее «едока».

Почти все взрослые, приезжающие к своим родителям-пенсионерам, всегда с радостью обращаются к чувству ностальгии, и либо сами с удовольствием помогают на кухне, а то и сами готовят на себя, либо позволяют маме приготовить «как в детстве».

Жительница Усть-Печеньги, уже мама и бабушка, училась готовить в печи с детства и до сих пор готовит время от времени: «Это все на памяти, это не забывается». Если в семье кто-то из родителей готовил в печи, то знание органично переходило к детям, понимание времени готовки, ее особенности. В то время помогали по хозяйству с раннего возраста и умение готовить, особенно для девочки, было очень важно: «[Два ее брата] помогали, конечно, но готовила всегда я». Теперь уже и ее дочь, приезжая навестить маму, любит испечь что-нибудь, как ее учили: «Мои девчонки испекли первые пироги в классе шестом»^[3].

Кулинарные традиции передаются стабильно из поколения в поколение, какие-то рецепты забываются, ведь молодым они не нравятся, как, например, овсяный кисель, какие-то меняются с приходом новых продуктов. В деревнях чаще всего есть две причины для затопки печи, либо холодное время года, осенью или зимой, либо на праздники или по особому случаю. Почти все топят печи в холодное время года для отопления, а раз печь затоплена, то можно в ней и приготовить что-нибудь, сварить суп или жаркое и легче, и эффективней. Конечно, это может зависеть от дома к дому, ведь в некоторых из-за перестроек готовить больше невозможно, а некоторые печи могут позволить готовить, но не могут стабильно обогревать дом. Для многих печь все еще является важной частью кулинарной жизни, и ввиду ее достоинств в плане вкуса, и доступности как в плане времени, так и простоты использования. Но для многих печь становится скорее частью интерьера, которой можно изредка обогреться, но не более.

Почти всегда обычные блюда готовят для себя, тогда как особенные блюда, выпечку и особые рецепты готовят на праздники, для гостей и внуков. Чаще всего готовят «сверху вниз» — старшие готовят для себя и для младших, редко наоборот, хотя и такие случаи бывают. Можно заметить, что печь отходит на специалитет старшего поколения, где младшие ассоциируют готовку в печи со своими родителями и бабушками, тогда как нынешнее поколение более стабильно готово готовить на газу.

РУССКАЯ ПЕЧЬ В ТОТЪМЕ: ПАМЯТНИК, ПАМЯТЬ И ПРИВЫЧКА

ТЕМП ЖИЗНИ С ПЕЧЬЮ

Самой большой разницей между духовкой с плитой и печью является то, что печь дольше нагревается и еде нужно больше времени на приготовление. В этом есть свои плюсы и минусы, если печь уже разогрета для отопления. Так, например, топленое молоко куда легче поставить в разогретой печи на ночь, чем следить за ним пару часов в духовке, и стоит сказать, что по мнению тех, с кем я разговаривал, молоко из печи получается вкуснее. Особый вкус и текстуру приобретают продукты с лактозой, каши покрываются по краям золотисто-карамельной пенкой, молоко покрывается ею целиком. Пирог готовится пышнее и румянее, а еще — медленнее, потому их легче контролировать.

Можно сказать, что с русской печкой время идет более размеренно. Она долго топится, в ней дольше готовится еда, и потом она может продолжительно оставаться теплой. Если за едой и надо приглядывать, то окон между смотрами обычно хватает, чтобы сделать какую-то работу по дому или в поле, поговорить с семьей и соседями.

Можно сделать вывод, что печь создает вокруг себя особый, более размеренный темп жизни. Более долгие топка и остывание позволяют больше успеть по дому, а «еду предоставить печи». Такой ритм хорошо вписывается в образ деревенской жизни, даже если сейчас работы, время для которой дает печь, не так много.

СВОЕ И ЧУЖОЕ

Конечно, готовка в печи сложна не только своим техническим процессом, временем ожидания и особенностью сервировки. Многие люди, которые готовят в печи, стремятся к отказу от покупной продукции, а иногда и сам процесс этого требует — многие ингредиенты просто нельзя найти в магазине. Взять для примера хотя бы блюдо из молозива — основной ингредиент которого можно получить только «на руки» от знакомых фермеров. Но и обычное молоко пытаются использовать свое, и так почти со всеми блюдами — свое чувствуется правильнее. Оригинальные блюда, которые передавались из поколений в поколения, могут сильно поменяться в качестве, если используются не те ингредиенты. Те, кто живут вдали от магазинов, стараются либо держаться за свое хозяйство, либо рассчитывают на помощь родственников. Сын одной женщины, с которой я разговаривал, стабильно привозил ей продукты из города каждую неделю, помогал всем, чем мог. В таких условиях печь становится более элементом диковинки, которая летом не используется, разве что для внуков, и зимой в холод и праздники. Те же, кто стараются держаться на всем своем, пекут в печке чаще, но тоже не на постоянной основе. Но стоит отметить, что чаще всего при покупке продуктов питания и ингредиентов для готовки, больше предпочтения отдают местному производству, будь то тотемское масло, молоко или продукция местных мясокомбинатов.

Из этого можно заключить, что одной из важных частей готовки в печи является тяга к полному самообеспечению. Натуральные ингредиенты, свои или купленные у соседей, стабильно позволяют готовить более вкусные и питательные блюда. Часто список семейных рецептов основывается на том, что выращивают они и их соседи. Возможно, от этого и вытекает уважение к местной продукции, такой как масло и молоко.

Хозяйка достает готовые блюда из печи. (Варницы)

КАК ПЕЧЬ УХОДИТ ИЗ ОБИХОДА

Есть несколько причин, по которым постепенно люди все меньше и меньше пользуются печами, в зависимости от того, где они находятся и кем используются.

Все еще сохраняются печи в больших, чаще всего дореволюционных, домах в самой Тотьме. Тут печи чаще играют роль большой полки, где особо ненужные вещи складываются на лежанку, на переду лежат игрушки, сувениры и полезные в домашних делах вещи, сушатся ягоды и цветы, лежат мешки с заготовками чая. Логично, что в городе готовить в печи тяжелее, многие люди активно работают и не могут позволить себе долгое ожидание и скачки температур. Почти везде есть газ, обогревание и плита, более легкие, быстрые и стабильные методы готовки и отопления, нежели русская печь.

В старых домах деревенских почти всегда есть печи и ими пользуются в холодное время, готовят различные блюда. Но возраст многих людей дает о себе знать, зачастую растопка печи становится затруднительной, а управляться с прихватами все тяжелее с каждым годом. Также очень часто родственники, дети или внуки рады подарить новые виды техники, помочь провести дома газ, установить духовку или купить электродуховку. Также старые печи со временем начинают трескаться и ломаться, их ремонт часто очень дорогой, дороже использования новых системных удобств. В новых домах, которых строится довольно много, печи обычно не устанавливаются за пределами каминов. Местный батюшка, к которому мы однажды ходили в гости, высказался о желании иметь печь, вспоминал счастливое детство и стряпню своей мамы, но, к сожалению, установка печей — очень дорогой процесс, в котором он сам сомневался, будет ли много пользы, учитывая все современные удобства, которые есть в каждом новом доме.

Так выходит, что печи постепенно выходят из общего обихода. В небольших деревнях их все еще часто используют в холодное время,

в остальных случаях они часто стоят как белые памятники, напоминающие жителям о своих бабушках и мамах, о детстве и молодости, в то время как практической пользы от печи в таком состоянии довольно мало. Но нужно понимать, что практическая и эмоциональная ценности — две разные вещи, и часто сам факт присутствия печи в доме делает обстановку более уютной, домашней и ностальгической.

ПЕЧЬ КАК ДОМАШНИЙ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ СЕМЕЙ

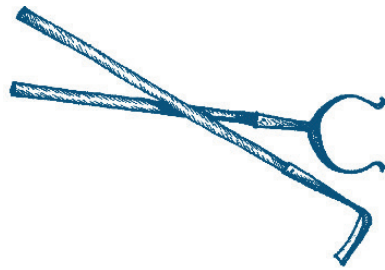
Это интересно, как никто и никогда не хочет снести печь, если только это не крайняя необходимость. Даже без какой-либо пользы она стоит, в разговоре почти все разговаривают про печь с любовью, радостно вспоминают, как готовила им мама или бабушка, с удовольствием рассказывают разные рецепты, истории, показывают хранящиеся в разных частях дома части печи, как, например, заслонки или ухваты. Логично, что печь часто становится объектом эмоций, а не рациональных фактов.

В пользовании она в наши дни приносит не так уж много хозяйственной пользы, но память о ней, о родителях и образе деревни Русского Севера имеет огромный вес помимо рационального использования. Конечно, тенденция ностальгировать по прошлым временам есть и была всегда, особенно когда предмет памяти находится в близком доступе и используется не всегда, таким образом каждая готовка, особенно, скажем, городскими жителями во время посещения родителей в деревне, становится своего рода жестом ностальгии. Печка становится своего рода символом, памятником старины, памяти о родственниках и их традициях. Ведь в отличие от современных варочных поверхностей, плит и духовок, печи служат поколения, почти не изменяясь внешне. Конечно, некоторые осыпаются и их обивают плиткой, но в общем и целом человек, что провел большую часть жизни в деревне, найдет в доме, в котором за долгие годы менялись обои, мебель и техника, один и тот же квадратный белый силуэт на своем месте.

Готовые блюда внутри печи. (Варницы)

Старшее же поколение, говоря о печке, вспоминает дни молодости, когда было много работы, росли дети. Многие в конце размышлений отмечали, как сильно за годы изменилась жизнь. В этом русская печь играет своего рода роль якоря, сохраняющего связь с прошлым, позволяющего тем поколениям, которые его застали, вспомнить его, а новым поколениям помогает не потерять связь с ним. Многие рассказывают своим детям и внукам о былых временах через образ печи, она становится своего рода диковинкой для детей, небольшим окном в прошлое. Детям готовят угощения, при этом активно рассказывая, как происходит процесс и каким образом раньше готовили большие праздники, для семьи или гостей. Ухваты, чугунки, горшки становятся наравне с самоварами и косами образами старых технологий, того, сколько раньше нужно было труда, чтобы добиться результатов, которые сейчас в домашних условиях могут быть достигнуты парой легких движений. Это помогает построить фундамент уважения к старшим членам семьи, их истории, а также истории и культуре Русского Севера.

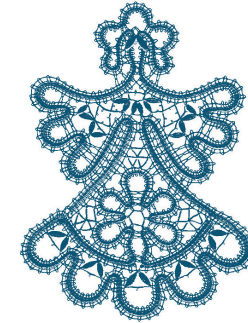
[1] Местная жительница, интервью в Варницах (полевые материалы автора (здесь и далее «ПМА»), июль 2022).

[2] Местная жительница, интервью в Усть-Печеньге (ПМА, июль 2022).

[3] Женщина-пенсионерка, интервью в Усть-Печеньге (ПМА, июль 2022).

«К НЕЙ ПРИВОРОЖИЛИ, ОТ МЕНЯ ОТВОРОЖИЛИ» — КАК НАСЛЕДИЕ РУССКИХ СВАДЕБНЫХ РИТУАЛОВ НАШЛО ОТРАЖЕНИЕ В ЛЮБОВНЫХ ПРИВОРОТАХ

Светлана Иванова, экономист и антрополог

Большинство тотмичей сейчас — люди современные и с готовностью сообщат вам, что человек сам выбирает свою вторую половинку, а свадьба нужна для того, чтобы закрепить союз между молодыми. Но многие из них помнят, как бабушка или мама рассказывали им истории о близких и соседях, которые попали в сети любовной магии и стали жертвами любовных приворотов. Если хорошо поискать проводника в этот удивительный мир магии, порой безобидной, а порой совсем жестокой, то вам и сейчас покажут деревню или даже дом, в котором проживают потомки носителей тайных знаний.

Особенно часто к ним обращались за решением проблем в любви, и это не вызывает удивления — «Идучи на войну — молись, идучи в море — вдвое, хочешь жениться — молись втрое». Свадьба на Руси и до начала XX века была важнейшим этапом жизни и сопровождалась множеством закрепленных в деревнях обрядов — от печальных причитаний невесты и ее подруг до выстрелов из ружья вслед повозки молодоженов, от прощания невесты с девичьими нарядами до непристойных частушек, сопровождающих молодоженов в брачные покои — чего только не видела русская деревня!

Все представления о сущности русской свадьбы не могли исчезнуть разом после революции, они продолжали обитать в умах простых жителей и отражаться в неклассических формах любовного союза — случаях любовных приворотов. О том, как представления о браке, существовавшие во времена традиционных свадебных ритуалов, проявляются в приворотах и формируют отношение к ним, мне хочется вам рассказать. Случаи любовных заговоров анализируются на основе собранного мною в ходе полевого исследования материала в Тотьме и деревнях Тотемского района, а черты свадьбы взяты из разных источников описания Севернорусской свадьбы, с приведением особенностей свадеб Вологодской области.

«ДАЙ БОГ СВЯТОЙ ЧАС»
ОПИСАНИЕ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЬБЫ

СВАТАНИЕ

Народный свадебный обряд всегда начинался со сватовства — церемонии, в ходе которой сторона парня предлагала семье девушки выдать их дочь замуж. Сватовству предшествовал тщательный поиск кандидатки, который осуществляла свекровь. Предпочтение отдавалось работающим, здоровым и мастерицам на все руки — умеющим шить, вязать и помогать по дому. Не так много внимания уделяли внешности, а скорее роду невесты — «с лица не воду пить, и с корявой можно жить». На роль сватов обычно выбирали родственников жениха — отца или крестного, он ехал в дом невесты на санях, прихватив на удачу разные предметы — сковородник («чтобы выгрести девку»), рыболовные сети («чтобы рыбку поймать»). После приезда сват начинал иносказательно говорить о деле, например, «У нас баран, у вас ярочка — хороша была бы парочка». Родители невесты могли согласиться, а могли немного потянуть время — по деревенскому этикету считалось неприличным сразу соглашаться на свадьбу, даже если она была желанной.

СМОТРИНЫ

Если сватание прошло успешно, то вскоре родители невесты приезжали смотреть двор жениха, чтобы убедиться, что он ей ровня и что сват не обманул, нахваливая имущество семьи. Смотрели на все особо тщательно, заглядывая в каждый угол, считали поголовье скота и даже рубашки жениха. Бывало, в дом на смотрины родственники свозили свой скот, зерно, шубы и ткани, чтобы дом выглядел побогаче. Если родителей не все устраивало, то они говорили хозяевам: «Спасибо за хлеб-соль, домой пора». На смотринах невесты жених и гости проверяли качества девушки: подносили к лицу свечку, чтобы узнать, хороша ли, просили пройти перед ними, чтобы узнать, не хромя ли.

СЛОВОР

Если обе стороны были довольны смотринами, собирали гостей, приглашали священника, и договор закреплялся рукобיתьем: отцы пожимали друг другу руки. После родители благословляли молодых, а мать сдергивала с головы дочери девичью повязку и расплетала косу, накрывая ее волосы и лицо платком, что означало прощание девушки с девичьей жизнью.

С этого момента невеста начинала свои причеты:

*Погляжу я, красна девица,
На широкую на улицу.
На широкой на улице
Тамо день к ночи клонится,
Красно солнце закатается,
Это не красно солнце закатается,
Девичий век коротается.
Мой не долог девичий век,*

*Недолгое живиньнице,
Короткое красованьцо,
Два денечка осталосе,
Два денечка не целые.*

Из свадебного причитания Вологодской губернии.

Проводя интервью с тотьмичами, к материалам которых я далее обращусь, любопытство вызывало и отношение жителей к теме любовной магии. Вне зависимости от веры в их действенность, подобные истории находят большой эмоциональный отклик. О таких случаях говорят бережно и с яркостью опытного рассказчика во время душевной беседы, ведь это не тема для маленького разговора с незнакомцами. Часто в начале разговора обозначается, что магия пряталась где-то вдали от местного жителя, например, в соседней деревне: «Я-то этих заговоров не знаю. Забыла уж, чего заговаривали, какие, чего. У нас воцерковение было. Оттуда, с Сямжи, там много этих, оттуда чуть не каждая старуха знала все заговоры. Отвораживать, привораживать». Но пока разговор бежит дальше, заходя на все более далекие и потайные тропы, может выясниться, что магия существует повсюду, и была и своя «знающая» бабушка или пастухи, умеющие делать заговоры. Поколение «знающих» почти полностью ушло, но и сейчас, хоть и реже, можно встретить истории о поиске пропажи и привораживании, произошедшие не так давно. Фигура обладателя магического знания меняется, приобретаая новые формы, однако удивительные истории о магических чарах не забываются.

Выше я представила модель свадебного обряда по этнографическим источникам и интервью, характерную для Русского Севера и, более узко, — востока Вологодской области. Феномен любовного приворота — это ситуация аномалии, потому что он искажает привычный ход вещей. Интересным образом оказывается, как я хочу показать, что привычными и нормальными служат взгляды и ожидания, связанные с традиционной свадьбой. Старый обряд задавал и продолжает задавать правильную модель, нарушение которой подчеркивается в истории о приворотах. Подобные оппозиции традиции, разобранные далее по пунктам, — основа сценария любовного приворота, нарратива повествования.

«СВОЯ КРОВЬ БЛИЖЕ»

В свадебных традициях прошлого существовал такой обычай: во время весенне-осеннего хоровода девушки демонстрировали изящество своих движений и богатство сшитого костюма, а родственники жениха во главе со свекровью не теряли бдительность — не пропустить бы ту самую невесту, которая станет искусной хозяйкой и украшением в доме жениха. Свекровь выбирала себе помощницу, поэтому старалась узнать все о характере девушек брачного возраста и о репутации их семей. Хорошей невесткой была та, что, по русской поговорке, «и пряха, и ткея, и жнея, и в дому обиходна, и к людям уцлива, и мужу повинна, и свекрови починна».

Часто в свадебных причетах невеста боялась свекрови, ждала от нее различных испытаний и несправедливой враждебности. В приворотах часто наблюдается сохранение функции матери жениха в выборе невесты. В одном из рассказов жительницы Тотмы описывается, как свекровь приворожила ее дочь, потому что хотела видеть ее невестой сына. Мать парня приворожила девушку пуншем, а после совершила заговор, чтобы та не убежала домой. Однако, в сравнении с традицией, роль свекрови полностью искажается — из требовательного, но мудрого наставника она превращается для девушки в врага. Традиционно готовность невесты подчиниться свекрови — какой бы она ни была, злой или доброй — вменялась в рамках ритуалов и выражалась в причетах. На второй день свадьбы невеста должна была мести пол, перед этим спросив у свекрови, как это делать, и подарив ей платок «за науку». Такое послушание было общепринятой моделью, и невеста была к этому готова, воспринимая это как новую систему иерархии взамен предыдущей.

Важно то, что молодая жена постигала знания и навыки, связанные с женскими делами, уже в семье мужа. Свекровь обучала ее практикам материнства, а также как вести себя с духами-хозяевами. Эта мудрость превращает отношения невестки и старшей хозяйки в выгодный союз, чего нельзя сказать об отношении одностороннего проклятия во время приворота. Роль матери жениха, оставаясь ключевой, становится из созидательной разрушительной — если в традициях свадьбы она помогала паре найти друг друга, чтобы полюбить и образовать Богу угодный союз, то по привороту она притягивает девушку, дороги которой должны были разминуться с ее незванным женихом.

РОДСТВО ДВУХ СЕМЕЙ

Важнейшая цель свадебного ритуала — родство семьи жениха и невесты. Многие ритуальные действия оформляют горизонтальные связи — предсвадебные дни состоят из множества поездок родителей сторон друг к другу в гости, где хозяйева широко угощали прибывших и дарили подарки. Например, во время пропивания невесты она вместе с матерью подносила родне жениха дары — полотенца, ширинки, платки, кисеты, а также угощала их вином. Гость брал подарок и целовал невесту — считалось, что такое эмоциональное расположение в очередной раз подтвердит намерение двух семей породниться. Невеста долгое время шила для всей родни жениха подарки — рубахи для жениха, свекра и свекрови, полотенца, пояса. А во время сговора, при рукобитии отцы произносили: «Пусть наш сын будет между нами общим сыном, а ваша дочь между нами общей дочерью». Все это создает новые связи в виде разросшейся семьи и вносит вклад в общую сплоченность жителей деревни. Предполагается, что свадьба дело не личное, а общественное, часто может служить укреплением связи между разными деревнями.

В процессе приворота ситуация переворачивается: отношения превращаются в борьбу двух семейств за невесту. Жительница Тотмы рассказывает драматическую историю противоборства:

«Он в армии Сережка был. Иона сказала: «Эта молодница будет наша». Печеньжаки все колдуны, в Великодворье-то. Она говорит, вот листок как пошлем, Бог знает, куды надо, туда этот листок улетит,

колдованный. И вот она говорит в магазине: на Аньку направили. Ее на продавца выучили и ее направили в Чуриловку. Вот, говорит, пришла к хозяйке, и она пришла, Сережкина мать. Давайте выпейте, говорит. И Анька говорит, не пью, в честь чего я буду с вами пить. Что, боишься, что приворожим? Анька говорит, мол, а я что, умишка нет, 19 годов дак, назло: не боюсь, говорит. Взяла, да и выпила этого пуншу. И с того, говорит, гляжу, вот Сережки нет — заглядываю в окошко: Что-то Сережки нет, что-то Сережки нет... А придет и говорит: С таким-то не боским, не пойду за этого не боского. Да и ребята те были, все хорошие были. А за этого вот так все равно вышла замуж за него, пришлось выйти. И мы ходили, ее уже хотели совсем привезти сюды жить, чтобы она не сошлась. Мы ее привезли, она, мы придем с работы — ее уж нет, он придет и увезет опять ее. А мы, когда зимой ее повезли... а была дорога снегом, снегом, зимой повезли, в автобус сели, заберем и увезем, раз он дрался все, бил ее сильно. Дак вот она сватья-то, возьмет снегу, а муж в автобусе был, глядел, говорит: Снег брала. Снег брала и вот так намяла снегу. Я тут, мне сказали: вот эта колдунья баба-то на Чуриловке, спроси ее. Я ее спросила, а на чего она снегу-то брала. Она говорит: «Вот заря будет выходить, растает этот снег, и воду расплеснет со словами «Коль свет ушел, туды и придешь». И она недолго помешкала и опять пришла туды. И мы ее отправили в Усть-Илимск. [Подальше?] Подальше. И Аня сказала: Сережка придет, адрес не давайте ему. Я ушла, овец, здесь были овцы, поить, а он и пришел, Серега-то. Пришел, посидел, я овец поила, пришла, а уже нет его. У мужа говорю: А где Серега-то? А, говорит, адрес Анькин попросил, так я, говорит, адрес Анькин подал, он и побежал. Я говорю, так тебе ведь не велено адрес то дать. Он, Серега, говорит, она мне письма пишет. Соврал. И он туды уехал. Туды он уехал, поглядел, и приехал сюды. И уехал туды жить»^[1].

Вместо налаживания связей семья испытывает ненависть к свекрови или другому родственнику, который навел порчу. А вместо традиционной подготовки невесты к подчинению жениху и новой родне происходит попытка полного запрета видиться с горе-суженым со стороны родителей невесты. Дерзкое, запретное в обычной ситуации проявление непокорности было бы здесь одобрено, однако невеста бессильна против магии.

«ОН ЕЙ НЕ РОВНЯ»

По первому приходу в дом свата главная задача родителей невесту расспросить подробно про жениха: каков его характер, ленивый он или работающий, смиренный или удалой. В ответ сват часто рассказывал смешные байки о женихе, в которых он всегда оказывался молодцом. Важно было узнать и о его семье: хорошая ли у них репутация, сколько имеют скота, земли, посуды и одежды. На смотринах дома все тщательно оценивалось — «не бедну девушку отдаем». Семья девушки делала все, чтобы удостовериться, что выдают дочь за ровню.

В рассказах наших собеседниц удивительно было столкнуться с тем, что любовные привороты схожи по своему сценарию, то есть обладают рядом повторяющихся мотивов. Это не является открытием для фольклористики, множество работ посвящено раскрытию

строения фольклорных произведений, таких как, например, волшебные сказки. В случае любовных приворотов основной мотив строится на наглядной демонстрации того, что объект ворожбы по разным причинам не соответствует тому, к кому его приворожили. Первым мотивом, стоящим в начале повествования, является рассказ о положительных свойствах и популярности невесты (жениха) среди других претендентов на брак. Это должно показать, что выбор определялся магическими чарами, а не отсутствием альтернативных вариантов: «К ней всё ходили свататься до него, и богатые были, красивые тоже».

Повторяется описание ключевой фигуры приворота — в случае, когда приворожили невесту, парень оказывается обладателем некоторого «уродства» и абсолютной непривлекательности в качестве жениха — пьяница, бабник, неумеха в работе и делах — как может сердцу полюбить? Частой причиной несовместимости жениха и невесты обозначалась значительная разница в возрасте. Из рассказа жительницы Тотьмы: «Если мне так соврали, то и я вам совру. Бабушка Настя жила, она с нею дружила. И ей нужен был парень молодой, она теперь живет с парнем молодым. Она за этим к бабушке ходила. Вот эта бабушка ей молоденького и приворожила. Вот он и живет с ней. До сих пор. Моложе меня. Правда или не правда, но приворожила. Потому что ни с того, ни с сего он стал с ней ходить». Возвышение качеств привороженного и, напротив, указание на социально неодобряемые, маргинальные или сильно уступающие по какому-то признаку качества нежданного партнера доказывают в ходе рассказа, что такой союз не мог стать результатом свободного выбора. Все напоминает известную сказку о красавице, которая отправляется к чудовищу только из-за проклятия, наложенного на ее отца, и, как сказке, не исключено, что такой жених способен превратиться для своей жены в прекрасного принца.

ВОЛЯ ВОЛЬНАЯ

Ключевой вопрос: обладает ли невеста в ходе традиционной свадьбы волей вольною и как это соотносится с явными ограничениями свободы воли в любовных приворотах. В свадебном ритуале удивляет то, как много места в ритуале оставлено для отказа от свадьбы как со стороны жениха, так и со стороны невесты. На каждом этапе, предшествующем самой свадьбе, есть формула, произнеся которую можно предотвратить все последствия. Родители отвечали свату: «У нас товар непроданный, не поспел» во время сватовства, или говорили хозяевам во время смотрин: «Спасибо за хлеб-соль, домой пора», а если девушка не понравилась жениху и его родне, то они выходили в сени, и уезжали, не попрощавшись, и свадьба отменялась. В историях же о приворотах отсутствует возможность сказать нет, даже самым решительным образом.

Насколько свободна была невеста в процессе своего вступления в брак? Решающую роль в выборе жениха принимали родители, но это не значит, что девушка выступала только пассивным зрителем происходящего спектакля. Отточенная система ритуальных действий предусматривала и здесь некоторые ходы — девушка могла спрятаться в чулан во время смотрин, чтобы показать свое несогласие с браком, а во вре-

мя венчания жених и невеста целовали друг друга, если они согласны на союз.

Не только в случае отказа невеста могла проявить себя: поэтика ритуала означает утрату «девичьей воли», но вместе с тем и приобретение новой свободы и новой силы для реализации себя на новом уровне (семейное дело, материнство) в связи с тщательной подготовкой к такому переходу. В связи с общественными представлениями, которые, разумеется, влияли и на самих девушек, в самом девичестве заложены зерна собственной гибели — ведь ему суждено умереть, чтобы женщина исполнила свое назначение.

Невесте предоставлялась возможность свободы проявления своих эмоций, например, они сами решали, что им петь в своих причитаниях. Такие рассуждения об индивидуальности возможны, потому что человек в сообществе мыслит свободу своих действий как выбор из существующих в его маленьком мире альтернатив. Мир формируется сложившимся общественным мнением и воспроизводимыми рассказами о том, как должно быть («в девках оставаться стыдно») и том, как это проявилось на примерах («не про нас будет сказано»). Так, невеста способна в определенной степени проявлять свою индивидуальность, пользуясь лишь социально признаваемыми способами.

Традиционно брак считался заключаемым, во-первых, по воле потусторонних сил, к ним можно было обратиться за информацией о суженом во время гадания. Во-вторых, с согласия Бога — при церемонии венчания жених и невеста получали его одобрение. Также требовалось благословение родителей жениха и родителей невесты. Избегая вопроса прямого выражения свободы воли невесты, кажется неоспоримым желание родителей обеспечить счастье своего ребенка и, в случае невесты, обеспечить ее новой защитой. В любовном привороте нет ни одного согласия, кроме как со стороны человека, наставшего заговор. Негативное отношение к случаям приворота может быть связано с тем, что по всем рассмотренным позициям они противоречат традиционным, а частично и интуитивным представлениям о том, каким должен быть брачный союз.

Таким образом, в браках по приворотам заложена чрезвычайно интересная тенденция: разрушать социальные связи, а не укреплять их. Приворот также ставит вопрос о значимости индивидуальной воли каждого из участников процесса заключения брачного союза — особенно воли невесты. Он кажется рассказчикам несправедливым по многим причинам союзом, а привороженный — пострадавшим, который мог надеяться на лучшую долю.

Наконец, приворот ставит под вопрос иерархии, существующие в семье и в сельском сообществе в целом. Авторитет родителей, ищущих «ровню» и счастья для своих детей, оспаривается силой приворота. В наше время происходит своего рода возврат к этой традиции: интернет набит бесконечными текстами колдунов, обещающих кого-то приворожить или вернуть мужа в семью, то есть традиция трансформируется и возвращается. Но остается открытым вопрос о том, с какими чувствами сегодня воспринимаются любовные привороты современными жителями Русского Севера в разных поколениях? Верят ли они в действенность методов, вернувшихся к ним из прошлого?

ЛИТЕРАТУРА

1. Традиция, трансгрессия, компромисс.
Миры русской деревенской женщины.
Л.Олсон, С.Адоньева
2. Знатки, ведуны и чернокнижники.
Колдовство и бытовая магия на Русском Севере.
Н.Петров, А.Мороз
3. Вологодский фольклор:
народное творчество Сокольского района
4. Русская свадьба. История и традиция.
И. Шангина
5. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX веков.
История, символика, поэтика.
А.Топорков

*ПРОЕКТЫ
В ДЕЙСТВИИ: ОТ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
МЕЦЕНАТСТВА
К ГРАЖДАНСКИМ
И ТВОРЧЕСКИМ
ИНИЦИАТИВАМ*

«АКТИВНЫЕ ЛЮДИ» В ТОТЬМЕ: НОВАЯ И СТАРАЯ ТРАДИЦИЯ

Анна Смирнова, психолог

ОТ ПУШНИНЫ И СОЛИ К ХРАМАМ И ОБРАЗОВАНИЮ

До революции Тотьма славилась своими церквями: каменных храмов на территории города насчитывалось семнадцать, и каждый из них был построен по уникальному проекту, красиво украшен, богато обставлен изнутри. Церкви были в стиле «тотемского барокко» и в классическом, большие и поменьше, с колокольнями и без. Большая часть церквей была построена в восемнадцатом веке, и большая часть — на деньги купцов, снаряжавших экспедиции на восток[1]. К настоящему времени уцелело лишь пять храмов, однако каждый из них по-своему восхищает и радует глаз.

В девятнадцатом веке Тотьма стала также значимым центром образования в уезде — к примеру, была построена Мариинская женская гимназия и Петровская ремесленная школа. Уровень образования и в самой Тотьме, и во всём уезде был высоким, на различные образовательные учреждения выделялось много денег как из казны, так и местными меценатами[2]. То, что объединяет храмы Тотьмы и её образовательные учреждения, — значительный вклад благотворителей и неравнодушных людей в их создание. В первый же день моего пребывания в Тотьме, я слышу в рассказе экскурсовода о том, что «у Тотемских купцов существовало правило: на деньги, полученные от промысла, строить церкви». Разглядывая храм Троицы в Зеленой слободе, который выглядит достаточно монументально, поначалу сложно поверить, что он был возведен на средства одной семьи купцов Черепановых. Позже, посещая другие исторические объекты города, церкви, я не раз слышала о большом вкладе купцов в их постройку, об их горячем желании создать что-то красивое и полезное в Тотьме.

При этом, в ходе осмотра экспозиций тотемских музеев, бросается в глаза отсутствие, к примеру, парадных портретов местных купцов (которые, несомненно, могли при желании их себе позволить), фамильных ценностей или личных предметов роскоши. А изучая детально истории экспонатов — деревянной скульптуры и предметов искусства, которые украшали подаренные городу храмы, нельзя не отметить, с какой ответственностью и вкусом заказчики относились к художественной ценности икон и церковных статуй и к разностороннему образованию выполнявших их мастеров, и сразу понятно, что на это они не жалели денег.

Позднее, погружаясь в историю и современность Тотьмы, я ещё не раз встречаю эту закономерность: стремление обратить свои достижения и таланты на благо и процветание родного города.

Дом художника Ф. М. Вахрушова в Тотьме (С. Г. Ивенский)

Ф. М. ВАХРУШОВ: ОТ АКВАРЕЛЬНЫХ ПЕЙЗАЖЕЙ К БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМ СПЕКТАКЛЯМ

Меценатство стало своего рода традицией для обладавших капиталами людей в Тотьме, но и те, кто не имел возможности строить целые здания и разбивать городские сады, не оставались в стороне. В городе был создан прекрасный народный театр, которым (в том числе) во время Первой мировой войны проводились различные благотворительные мероприятия для сбора средств для больных и раненых солдат [3]. Труд на благо Тотьмы и желание сделать жизнь тотмичей и сам город лучше был свойственен не только людям, имевшим возможность заниматься масштабной благотворительностью, но и простым жителям Тотьмы, вносящим свой посильный вклад в процветание города. Талантливые, разносторонне одарённые люди старались вносить свой вклад в процветание Тотьмы: здесь, например, можно упомянуть Феодосия Вахрушова — следующий пример вложения своих сил и таланта в процветание Тотьмы, с которым я познакомилась во время изучения истории города. Феодосий Михайлович — талантливый тотемский художник конца девятнадцатого — начала двадцатого века, — не только посвящал своё время собственному творчеству, но и оформлял спектакли тотемского любительского театра: делал декорации и эскизы грима для постановок; помимо этого, художник даже играл сам [3].

ОТ ДОРОЖНЫХ РАБОТ К РЕСТАВРАЦИОННОМУ УЧАСТКУ

Позже, уже в середине и конце двадцатого века, традиция посвящения своих талантов и сильных сторон улучшению Тотьмы не прекратилась: здесь можно отметить, к примеру, поистине невероятные усилия Леонида Александровича Лукина, самоотверженно взявшегося за реставрацию памятников архитектуры в Тотьме, или старания Станислава Михайловича Зайцева, с боем отстаивавшего каждый дом исторической за-

стройки города. Усилия многих тотмичей, направлявших свои таланты и возможности на улучшение города и жизни его жителей, сформировали своего рода традицию в Тотьме: помогать родному городу в меру своих сил и активно участвовать в его жизни.

НОВАЯ СТАРАЯ ТРАДИЦИЯ

С тех пор, как на деньги купцов в Тотьме возводились храмы и школы, многое изменилось. Сейчас большая часть идей, которые могут улучшить жизнь тотмичей или облагородить город, реализуется за счёт грантов: как государственных, так и частных фондов, финансирования от которых получают на конкурсной основе. Однако традиция обращать на благо Тотьме свои достижения и таланты не только не канула в прошлое, но и получила новую жизнь.

В настоящее время в Тотьме сформировалось сообщество людей, которые активно занимаются различными проектами, а также подают заявки на гранты. У каждого проекта своя направленность — от экологии и раздельного сбора отходов до реконструкции соляных варниц, — и каждый человек занимается и создаёт именно те проекты, которые связаны с его личными интересами и увлечениями. Каждый привносит частичку своего таланта в развитие города, а возможности и финансирование выигранных заявок помогают осуществлять задуманное.

Множество людей в Тотьме занимаются развитием культуры и посвящают этому своё свободное время, но также многие люди, реализующие различные проекты, уже связаны с культурной сферой в силу своей работы: они используют свои профессиональные навыки и знания, чтобы улучшать и развивать ту сферу, в которой они работают.

К примеру, сотрудники Тотемского музейного объединения создали «Школу музейного развития» для повышения профессионализма коллег со всей страны, а также прикладывают колоссальные усилия к цифровизации объектов хранения фондов. Разговаривая с сотрудницами фондов Тотемского музейного объединения, я поражаюсь тому, какой объём работы они проделали за прошедшие годы — и продолжают делать сейчас, — и даже однажды шучу про Маховики времени из «Гарри Поттера», позволяющие увеличивать количество часов в сутках. «Все Маховики времени, — отвечает мне одна из хранительниц, — были уничтожены в Министерстве Магии, а мы просто делаем свою работу»^[1].

Существует в Тотьме и сообщество активистов, которым грантовая поддержка дала возможность превратить свое хобби или увлечение в проект развития города. И именно с такими людьми — людьми, которые с энтузиазмом и искренней любовью к своему делу занимаются культурой, активизмом и искусством в Тотьме, — я и общалась во время экспедиции.

ТОТЬМА И «АКТИВНЫЕ ЛЮДИ»

Большинство людей, занимающихся проектной деятельностью, воплощают идеи, связанные или даже являющиеся неотъемлемой частью того, чем занимаются они сами, что им близко. Как говорит одна из моих информанток: «Мы все разные. Кто-то больше в экологию, кто-то больше в культуру, кто-то больше в творчество: кто художники, кто музыканты. У нас компания абсолютно разношерстная»^[2]. «Активных

людей», как называет моя собеседница тех, кто занимается проектами в Тотьме, составляют сотрудники музеев и культурной сферы, активисты и преподаватели.

Как в восемнадцатом и девятнадцатом веке купцы, зарабатывавшие деньги снаряжением экспедиций и занимающиеся торговлей, вкладывали деньги в церкви и учебные заведения, занимались их финансированием; как позднее артистически одарённые люди играли в народном театре, а люди, интересовавшиеся историей и строительством, становились сотрудниками реставрационного участка, так и сейчас производство экологичной косметики и желание заботиться о природе так, как она заботится о нас, превращается в экологические проекты и активизм в Тотьме, а собственная творческая деятельность — в создание необычных и очень интересных выставок современного искусства вместе с подростками. Во все времена в Тотьме люди обращали свои таланты и возможности на благо города.

ОТ АВОСЕК ВМЕСТО ПАКЕТОВ К РАЗДЕЛЬНОМУ СБОРУ МУСОРА ВО ВСЁМ ГОРОДЕ

Жарким солнечным днём мы с моей собеседницей прячемся в единственном тенистом уголке тотемской набережной для обсуждения экологических проектов, которые сейчас повсюду реализуются в городе: в Тотьме

Выгрузка вторсырья из сортировочных контейнеров в Тотьме

появились контейнеры для отдельного сбора (и последующей утилизации) мусора, по всему городу можно увидеть стенды, посвящённые простым экологичным привычкам. Ольга, моя собеседница, рассказывает, что путь эко-проектов в Тотьме начался с того, что она сама вырабатывала экологичные привычки: начала использовать многоразовые авоськи вместо пакетов, использовать натуральные моющие средства и экологичную косметику.

С высоты берега поверхность Сухоны кажется практически неподвижной, хотя я знаю, что течение на самом деле очень быстрое, и глядя на реку, я задумываюсь о том, как река постепенно прошла свой путь «к экологичности» после прекращения активного речного судоходства.

Ольга рассказывает мне, как её собственное желание вести экологичный образ жизни и, в том числе, сдавать пластик в переработку привело её к пониманию, что в Тотьме просто нет места отдельного сбора мусора, а также к желанию поставить такие контейнеры. Контейнеры на специально выделенном для этого участке я уже видела, а Ольга подробно рассказывает мне историю их установки и то, как производится их обслуживание сейчас. В нашем разговоре она также отмечает важную вещь, свойственную людям, занимающимся проектами в Тотьме: никто не может помогать по всем вопросам и реализовывать идеи по всем фронтам, каждый занимается там, что близко ему. К примеру, самой Ольге, которая занимается производством экологичной натуральной косметики, близка именно тема уменьшения количества производимых отходов.

КАК ДВЕ НЕДЕЛИ БЕЗ СОЦСЕТЕЙ ПРЕВРАТИЛИСЬ В МОЛОДЁЖНОЕ СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

С руководительницей молодёжного объединения «Неформат» я встречаюсь на территории арт-пространства «АнтреСОЛЬ», где ребята обычно собираются, работают и проводят свои выставки. Внутри прохладно и очень светло, повсюду расставлены кресла-мешки, у одного из столов работает группа молодых людей.

Светлана рассказывает, что её первым проектом было «вытащить» ребят, которые согласились поучаствовать, из социальных сетей на две недели и предложить им вместо скроллинга ленты другие виды деятельности. Сейчас её творческий коллектив создаёт потрясающие объекты искусства — позже она показывает фотографии с выставок «Свет в пакете» и «Фантастические твари», — пишет музыку, занимается созданием клипов. О подростках, которые работают со Светланой — талантливых, креативных, хотя порой и непростых ребятах, — она неизменно отзывается с теплотой и уважением. Её собственная профессия и творчество (Светлана — художница) помогает ей находить общий язык с другими людьми, которые тоже хотят что-то создавать, и придумывать новые и необычные идеи для проектов «Неформата».

КРАЕВЕДЕНИЕ И НЕОЖИДАННЫЕ НОВЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Об Алексее Новосёлове в Тотьме знает даже ленивый, как и о том, сколько усилий он вложил в развитие Тотемского музейного объединения и разных культурных проектов в Тотьме в целом.

В разговоре со мной Алексей рассказывает про нынешние проекты Тотемского музейного объединения, про ископаемые останки какого-то древнего животного, которые пополнили музейное собрание и сейчас лежат у него на столе, а ещё про свою любовь к истории родного города и то, как рад был из-за этого вернуться в Тотьму после окончания университета — чтобы показывать её и рассказывать о ней людям, которые прежде никогда тут не были. Именно горячее желание знакомить людей со всей страны с достопримечательностями и историей города и привело к тому, что он стал работать в Тотемском музейном объединении.

«АКТИВНЫЕ ЛЮДИ» И ИХ ТАЛАНТЫ

На протяжении многих веков тотемской истории местные жители находили способы улучшить жизнь родного города, помочь ему тем, чем могли и умели, найти применение своим талантам в благоустройстве Тотьмы. Можно сказать, что применять свои способности на благо Тотьмы и её жителей стало в некоторой степени местной традицией, которая продолжается и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники церковной архитектуры Тотемского района / Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 3. В. Брамфилд
2. Тотемское уездное земство: дела и люди / Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 3. А. Кувакин
3. Тотьма — город театральный / Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 2. И. А. Соболев

[1] Сотрудница МБУК «Тотемское музейное объединение».
[2] Тотьмич, автор проектов и общественный деятель.

СПОНТАННОЕ СОТВОРЧЕСТВО В ТОТЬМЕ

Яска Доброва, дизайнер и антрополог

В малых городах, таких как Тотьма, чтобы что-то создать: общественное движение, социальный проект или объект искусства, необходимы очень прочные горизонтальные связи между людьми. Горизонтальные связи — это когда внутри сообщества на близких и «шапочных» знакомствах держится вся гражданская активность, особенно хорошо работают такие связи в малых социумах, потому что круг знакомых каждого человека становится теснее, а значит и ниточки, ведущие от человека к человеку — короче.

Частным проявлением социальной активности, построенной на горизонтальных связях, является творчество, причём нередко это творчество не только для собственного развлечения, но и направленное вовне, открытое для демонстрации широкой аудитории. Важной движущей силой творческого созидания в Тотьме является молодёжь. Большое количество свободного времени, «пространство скуки и пустоты», которое хочется чем-то заполнить, двигает молодых людей на создание собственных инициатив. Зачастую новые начинания зарождаются стихийно, без какого-либо четкого плана и подготовки, на живом энтузиазме участников, подчас случайно вовлеченных в процесс творения.

Эту мысль хотелось бы проиллюстрировать тремя короткими историями о том, как на пустом месте, совершенно случайно и вопреки ожиданиям в короткий срок возникало «что-то», самобытное и живое.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ: «РЕБЯТА, Я ПРИВЕЗЛА ВАМ ДЕДЛАЙНЫ!»

Я сижу на третьей встрече «Неформата» в «Антресоли», юные девушки вместе со Светланой Немировой обсуждают новый проект по косплею^[1]. Я прихожу на встречи, потому что предмет моего исследования в Тотьме — досуг тотемских подростков, их внеучебная деятельность и хобби. Сегодня — просмотр отрывков произведений героев-образцов для будущих нарядов. Мне немного скучно, потому что хоть судьба проекта мне и безразлична, заняться мне толком нечем, так как в показе я участвовать не буду. Моё «участвующее наблюдение»^[2] получается не очень «участвующим», помимо того, что я не знаю, как вовлечься в общую деятельность, меня беспокоит ещё одна мысль — пока что мне не удалось найти «самых творческих» подростков и то, что я наблюдаю на встречах «Неформата», пока далеко от настоящего процесса творения, хоть и несомненно важно для понимания молодёжной среды.

Внезапно мои неспешные размышления нарушает чей-то смех в углу. Только в этот момент я замечаю, что в каморке, в которой для ребят, занимающихся музыкой, оборудовано место для записи голоса и звука, кто-то есть. Я быстро поднимаюсь с места, тут же забывая о мантиях из Гарри Поттера и модных галстуках из аниме, и направляюсь прямо внутрь каморки, несколько бесцеремонно, но зато очень уверенно.

«Вас-то я и искала!» — восклицаю я, стоя на пороге тесной комнатки, в которой почти нет воздуха, да и места для меня вообще-то тоже. Восклицаю, особо не понимая, к кому я собственно обращаюсь.

Справа от входа небольшой стол, на нём — ноутбук, звуковая карта, какие-то клубки проводов. Один провод, по-видимому от удлинителя, тянется за дверь и не даёт закрыть ее плотнее и полностью изолировать от свежего воздуха и споров о цветных париках и белых рубашках, кипящих снаружи. В дальнем углу помещения расположилась стойка с микрофоном, светильник, звукоизолирующие ячейки. На левой стене — бесхитростная роспись с нотным станом, которую выполнила одна из «неформатных» девочек. А прямо передо мной — три юноши, сидящих на простых икеевских стульчиках и явно очень увлеченных своим делом. Один из них сидит чуть поодаль от входа и держит гитару примерно напротив микрофона.

Они — участники музыкальной группы Threat Has Overtake, родившейся из компании даже не закадычных друзей, а на момент формирования, плюс-минус случайных знакомых, объединённых участием в проектах «Неформата». Первое, что бросается мне в глаза — их разность между собой, заметна принадлежность к совершенно разным архетипам, и даже в процессе двухминутного знакомства нетрудно разглядеть, что и темпераменты у ребят совсем различные. Оно и немудрено — между каждым участником группы по два года разницы в возрасте. Двое из них — родственники и соседи, но всё равно совсем непохожие.

Ребят заинтриговала моя странная самопрезентация, мы знакомимся, я объясняю цель своего присутствия в «Антросоли» и тот факт, что я в Тотьме уже две недели, но еще не видела ни одного живого подростка-музыканта, хотя уже много слышала про тотемскую молодежную музыкальную сцену, представленную, в основном, хип-хопом. Парни довольно охотно начинают рассказывать о себе (заметно, что расспросы студентов-исследователей им не в новинку). Группа появилась примерно в 2019 году, состав участников ожидаемо менялся, да и сейчас не представляет из себя жёсткую структуру, за счёт эпизодических участников, «залетающих на фиты»^[3]. Записывают, как и большинство в Тотьме, чаще всего рэп-треки, но не гнушаются других жанров и частенько записывают что-то в противоположной стилистике — более лиричное и основанное на вокале, а не на речитативе.

Из разговора становится понятно, что творческий процесс у парней-музыкантов максимально хаотичный, никаких конкретных планов на собственную творческую деятельность у них нет, многие вещи записываются «по случаю», многие также «по случаю» уничтожаются из-за недовольства проделанной работой. Вроде бы присутствует некоторое разделение ролей: как минимум на двух вокалистов и, по-совместительству, авторов текстов и одного музыканта-аранжировщика, но на практике всё может перемешиваться, а вопрос с авторством текстов и вовсе остается предельно туманным: по словам гитариста не было вообще ни одного текста, который был бы как-то чётко зафиксирован на бумаге. Большинство треков записаны методом фристайла^[4].

На этом нашему короткому знакомству было суждено прерваться — нужно было уходить на интервью в другой части города.

Но по счастливой случайности или по городскому обыкновению, так как Тотьма — город небольшой, уже ближе к вечеру, после интервью, я столкнулась на улице с моими новыми знакомыми. За это время я уже немного успела обдумать нашу встречу и решила на исследовательский эксперимент — предложить группе снять видеоклип на их песню до конца моей экспедиции.

Моё предложение о съёмках было встречено с энтузиазмом, тем более, что по опыту «Неформата» быстрое генерирование идей и съёмки любительских клипов парням были уже знакомы. Только своего клипа не было. Потому что до нашей встречи не произошло той чудесной случайности, которая в непредсказуемое время заставляет творческие шестеренки тотемичей крутиться.

По плану клип должен был быть снят на новую песню, которую как раз записывали ребята в день нашей встречи. По ходу нашего общения стало понятно, что свести^[5] трек вовремя их товарищ не успеет. Через четыре дня после отсутствия новостей и идей от группы я уже успела подумать, что мои убеждения о тотемских творческих подростках не так уж и достоверны, казалось, что на практике для создания творческого продукта артистам нужно больше времени раскачаться (что для меня более понятно и привычно, как для жителя большого города, где многие одержимы серьезностью, планированием и длительной подготовкой к чему бы то ни было). Вечером у нас состоялся разговор, в котором я намекнула ребятам на непривычное для них обстоятельство: «ребята, я привезла вам дедлайны!». Тут же было решено не ждать сведения, а снять видео на уже существующую запись.

Еще через несколько дней, чтобы обсудить раскадровку клипа, мы встретились на трибуне стадиона «Фетиха» — вот такой вот тотемский коворкинг. Мне понравилось, что местом для сотворчества в Тотьме может стать, что угодно — библиотека или берег реки, трибуна стадиона или кресла-мешки в «Антресоли». Было заметно, что мой подход с раскадровкой и предварительными планами — очень непривычен, но зато мой интерес к музыке группы и нашему мини-эксперименту с видео все-таки разжег в парнях творческий огонь.

В день съемок я снова начала нервничать — один из вокалистов, участвующий в записи, но с которым мы так и не успели познакомиться ранее, пропал с радаров и кажется не собирался появиться. Отсутствие привычки к такой неопределенности планов в Тотьме выходило мне боком — здесь, когда люди создают что-то, всё может быстро поменяться: что-то внезапно исчезает, как, например, старые «неудобные» треки в корзине компьютера, а что-то внезапно появляется там, где, еще пять минут ничего не было, как наш вышеупомянутый герой в лучах заката на пустынном поле, где мы ждали его, уже изрядно покусанные мошками.

Снимали просто — на мой телефон, помещенный в стабилизатор. Тут тоже не обошлось без дружеских контактов и взаимопомощи — стабилизатор нам одолжила на время Светлана Немирова. Уверена, что если бы нам для клипа понадобилось 30 стульев, 50 простыней, 20 черных котов или что еще похлеще, в городе бы точно откликнулись — такой порядок вещей. Так, для проектов «Неформата» часто пускают

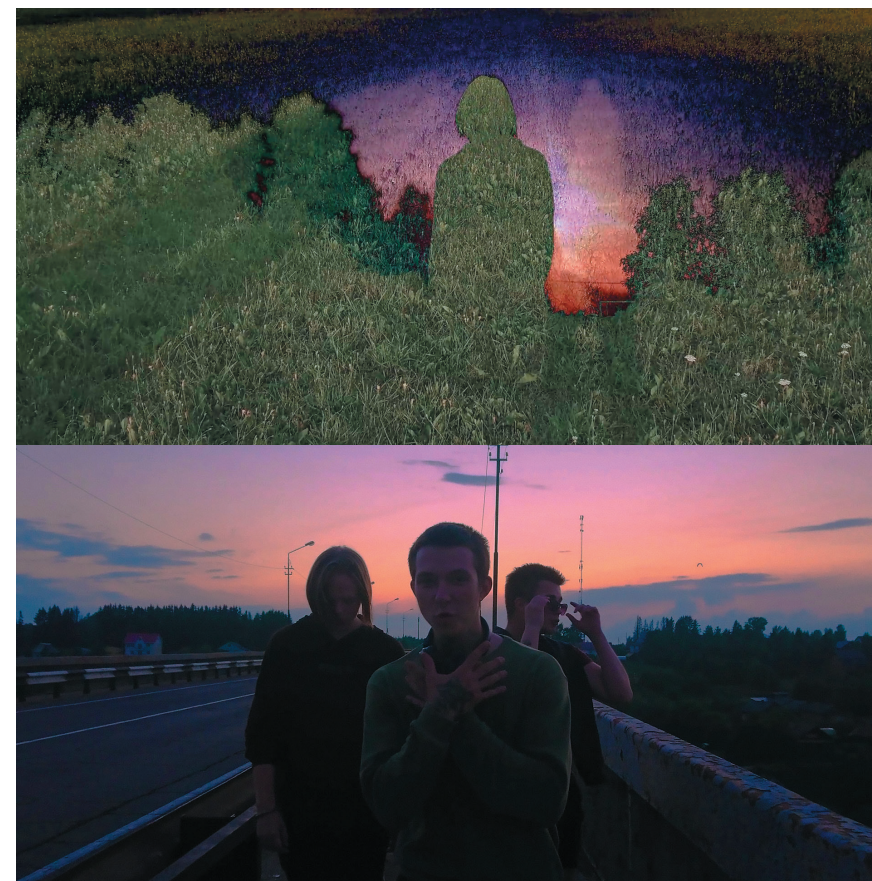
ключ по равнодушным тотемичам о необходимом реквизите через ВК-группу «Подслушано». Но мы обошлись всего двумя локациями и минимумом реквизита. Спонтанно нашим соавтором, а вернее актером, стал даже известный многим бродячий пёс, обитающий возле Сухонского моста.

От момента нашей задумки до реализации прошло всего десять дней. Хотя для Тотьмы и это уже длительный срок. На самом деле, если смотреть правде в глаза, придумывали ребята всё на ходу прямо в один единственный съёмочный вечер. Чтобы отснять симпатичный клип, понадобилось всего несколько часов довольно спонтанной работы, плюс несколько часов пост-обработки и монтажа в городе. Неплохо, для любителей. Именно так творят подростки в Тотьме — спонтанно и талантливо.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ: «ДИНОКОМП»

В первой истории я рассказывала, что встретила своих героев во время собрания объединения «Неформат» — творческого клуба для подростков и молодёжи, известного многим, миссия которого аккумулировать сотворчество, делать его более систематичным, свя-

Кадры из клипа Threat Has Overtake (клип можно посмотреть по QR-коду)

зывать между инициативных, но не встроенных в традиционную досуговую систему ребят и поддерживать, и направлять их в проектной деятельности.

Но «Неформат» был не всегда. Новые мини-проекты, как история с клипом Threat Has Overtake, отпочковываются от основной деятельности «Неформата» так же, как само объединение когда-то выросло на базе таких же мини-проектов активных школьников. Круг замкнулся.

Одним из таких стартовых проектов была выставка, организованная старшими школьниками Егором Блиновым и Димой Поповым. Вот, как рассказывал Дима мне в интервью об идее выставки: *«Мы шли рядом со Спасо-Сумориным монастырём, как-то вот забрели... И он (Егор) такой говорит: «а я вот кстати-то видел недавно на ютубе там ролик, то что там кто-то чего-то собрал, коллекцию каких-то старых компов...». И Егор сказал, что было бы прикольно сделать что-то такое подобное на базе Тотьмы. Я такой: «а давай по приколу сходим (в музей), ну чего, ну скажут-скажут, нет дак нет», он ответил: «Ну давай!».*

На следующий день ребята отправились к руководству музейного объединения. Дима отмечал: *«Мы пошли вот прямо сразу к Новоселову, он, правда, у нас человек занятой, у него разные общественные мероприятия, поэтому мы пришли к Корневой Наталье и, получается, она сказала нам «Да, давайте, будем делать! Это что-то необычное, ребята, давайте, в «Антресоль» идите, узнавайте там, где, когда».*

В «Антресоль» Егор и Дима встретились со Светланой Немировой и Анатолием Пахниним, они помогали им собирать экспозицию, а впоследствии стали кураторами для многих других подростковых проектов. В интервью Дима подметил, что сначала сам скептически относился к поиску компьютеров, не понимал, как же они наберут нужное количество. Но на удивление проблем с экспонатами не возникло — в фондах музея обнаружили компьютерные «динозавры», один из которых был аж 1989 года рождения. Остальную часть удалось быстро собрать по знакомым.

Немного мастерства переговоров, организаторского таланта, и всё получилось, выставка проработала несколько месяцев, стала базой для «Ночи музеев» и информационного квеста. «ДиноКОМП» стал пионерским проектом «Неформата», Дима устроился на летний период экскурсоводом в «Антресоль», а Егор чуть позже стал разработчиком велоквеста по Тотьме. Небольшая история, повлекшая за собой много кругов на воде.

Состоялась бы выставка, если бы руководство музея, не знало бы Егора и Диму до их предложения по многочисленным волонтерским проектам, конференциям и школьным докладам? Неизвестно. Но поддержка и партнерство горожан и в этой истории сыграли свою значительную роль.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ: «ТО ТЬМА»

Внимательный читатель может быть озадачен — истории должны были быть о спонтанном сотворчестве, хаотичном и неконтролируемом, но две предыдущие истории крутятся вокруг «Неформата» и Светланы

Егор Блинов на выставке «ДиноКОМП» в 2018 году

Немировой, как некоего арт-директора, многих проектов (хоть и не тех, что упоминаются в обоих эпизодах). Чтобы не разочаровывать читателя, стоит рассказать историю о людях, никак не связанных с предыдущими героями, но таких же жадных до творчества.

В один из дней экспедиции я, по обыкновению, сидела в кофейне и с кем-то из своих городских знакомых обсуждала тему своего исследования. Кофеварка привычно ворчала, я тоже ворчала, что не могу найти подходящих информантов, был обычный экспедиционный день. Неожиданно в мой разговор вклинулся юноша, другой гость кофейни. Он был взбудоражен моими рассуждениями о скуке и «пустоте досугового пространства» Тотьмы, которые подталкивают тотмичей к созиданию. Так мы познакомились с А. — мыслителем и художником, по своей натуре. А. 21 год, он успел поучиться в Вологде и пожить в Санкт-Петербурге, но предан своему родному городу. В кофейне А. поделился своим взглядом на творческих людей в Тотьме, на молодежную политику и рассказал, как посещал в Вологде философский кружок.

Мы договорились об интервью. Сюрпризом для меня стало, что А. пришел на разговор не один, а в компании двух друзей, как оказалось, его школьных товарищей. С первого взгляда ребята не показались теми, кто может поддержать А. в разговорах о тонких материях. Но это суждение было ошибкой.

Пообщавшись немного на общие темы, мне удалось лучше разобраться во взаимоотношениях внутри тройки, было заметно взаимное уважение и теплота, с которой они относятся друг к другу. И всё же они очень разные: поэт, архитектор, будущий врач... Что заставляло их союз быть таким крепким и после школы?

Ответ настиг меня неожиданно: А. решил продемонстрировать мне свою татуировку. Татуировка оказалась авторским рисунком, обрамленным надписью «ТО ТЬМА», что ребята расшифровали это как

«Творческое объединение «Тьма». Все члены компании в той или иной мере причисляли себя к представителям контркультуры^[6]. Но вот сюрприз — в какой-то момент они обнаружили себя, одевающимися в одинаковую одежду, всё больше и больше тяготеющую к мейнстриму^[7]. Благодаря этому, парни обнаружили общий интерес к моде и дизайну одежды. Так появилось творческое объединение.

Один из участников учился в «Петровской ремесленной школе» и неплохо умел рисовать, поэтому он стал заниматься созданием принтов для футболок. Ребята начали изобретать свой бренд одежды, превосхитив ажиотаж других любительских марок, который случился через несколько лет после появления объединения.

В образовавшейся творческой артели у каждого была своя роль — двое рисовали иллюстрации и принты, А. тоже что-то пробовал в этой стезе. Когда интерес к дизайну одежды поутих, команда переключилась на создание другого контента: стихов, хип-хопа и как другие юные тотьмичи снимали свой клип в гараже, тут уже лидировал А. с его филологическими способностями.

ТО «ТЪМА» просуществовало пару лет, растворившись само собой по мере спада интереса к определенной деятельности, началу обучения в вузах и уходу А. в личные творческие проекты. Но о времени, проведенном вместе за созданием уникальных продуктов, в компании вспоминают с приятной ностальгией. Символическое сжигание «трешера»^[8] троицей школьников дало старт, чему-то новому, что родилось внутри конкретного союза за счет творческой жилки внутри каждого и значительного запаса свободного времени, которым располагают очень многие, не встроенные в системные активности подростки в Тотьме.

В большом городе, при наличии большого разнообразия культурно-досуговых мероприятий, подростки и молодёжь часто бывают намного сильнее разобщены, чем сверстники из небольших местечек, которые зачастую вынуждены развлекать себя сами. В Тотьме всё устроено именно так. Конечно, есть те, кто заняты в художественной и музыкальной школе, в спортивных секциях, но не все вписываются в предложенные рамки.

Стихийно создаются объединения единомышленников, которые без какого-либо четкого каркаса и плана умудряются выдавать разнообразный контент и творческие продукты, которые хоть и появляются хаотично, бывают весьма интересны даже тем, кто уже давно вышел из категории «тинэйджер».

Редко кто в Тотьме делает что-то в одиночку, почти все, с кем мне довелось говорить, работали над своими инициативами в команде, комбинируя сильные стороны разных участников. Пространственная организация города тоже играет свою роль — никто не станет спорить, что это очень удобно, когда можно позвать друга или подругу обсудить вашу затею, назначив встречу на стадионе через 15 минут, или, когда ваш единомышленник — ваш сосед по квартире в восьмиквартирном доме. Роскошь, недоступная жителям больших городов. «Чувство

локтя», близкое знакомство со многими людьми, тесные связи между людьми и некоторая доля экзистенциальной скуки^[9] позволяют процветать в городе спонтанному творчеству, бессистемному и прекрасному, творчеству сообща, потому что в Тотье люди как будто неизбежно тянутся друг другу, находя друг в друге вдохновение и развлечение.

АРХИТЕКТУРА В ДЕЙСТВИИ: ЖИТЬ В «НАСЛЕДИИ» И ЖИТЬ С НАСЛЕДИЕМ

- [1] Косплей – перевоплощение в героя, посредством переодевания в костюм.
- [2] Один из полевых методов исследования в антропологии.
- [3] Фит – (от англ. *featuring*) совместная музыкальная запись одного исполнителя при участии другого (других).
- [4] Импровизация в рэпе, декламация стихов, создаваемых на ходу.
- [5] Сведение – создание из отдельных записанных треков конечной записи.
- [6] Течение, отрицающее ценности доминирующей культуры.
- [7] Всё популярное, массовое.
- [8] англ. «*Thrasher*» – это бренд одежды, популярный у скейтеров.
- [9] Чувство фрустрации, тоска по чему-то нереализованному.

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ ТОТЕМСКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

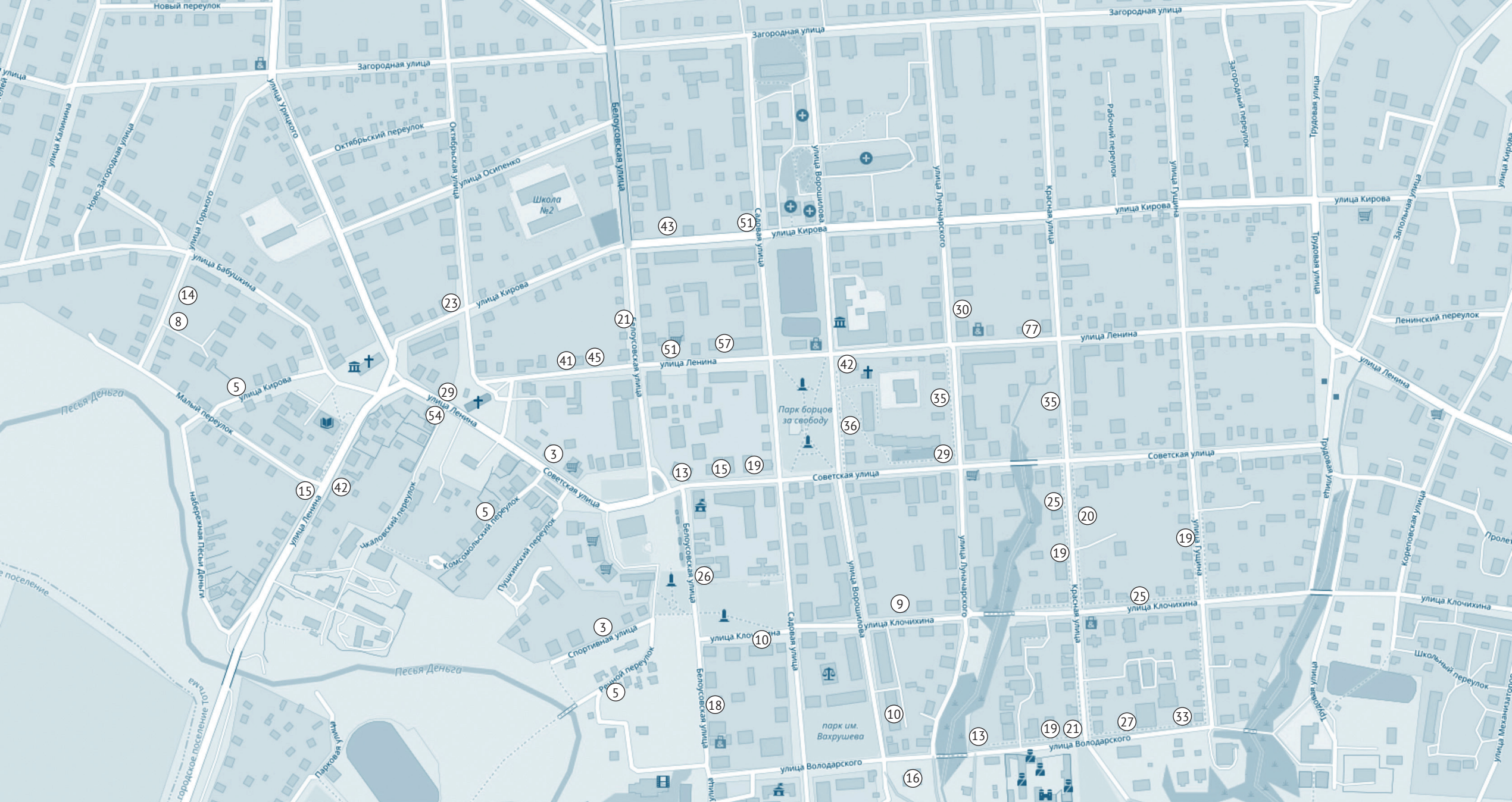
Елена Смолькова, историк

Первым ощущением после экскурсии по Тотьме было то, что в дискурсе о местной архитектуре главным акцентом выделяется только каменная церковная архитектура XVII века и их декор в виде картушей, тогда как многочисленные деревянные постройки XIX века с самобытными резными наличниками остаются незамеченными. Среди деревянных построек XIX века в репертуар достопримечательностей города входят только те дома, которые находятся в районе центральной площади и стоят по маршруту от одного храма до другого.

Кажется, что несмотря на свою, возможно кажущуюся на первый взгляд, непримечательность, деревянные дома Тотьмы скрывают в себе особую историю города и особый современный быт, с ней связанный. Большинство деревянных домов XIX века в Тотьме — жилые, поэтому именно в рассказах жильцов этих домов я искала истории о самобытной жизни тотемского деревянного зодчества сегодня. Условным критерием для поиска информантов было наличие резных дореволюционных наличников на окнах домов потенциальных собеседников. Мне казалось, что сохранность такого декора могла бы подразумевать то, что хозяева дома заботятся о сохранении исторического облика своего дома, а значит, и могут поделиться тем, каково это, жить в деревянном доме XIX века. Часть домов с наличниками была заброшена или выставлена на продажу, по словам соседей; в другой части домов жители отказывались разговаривать, объясняя это тем, что им нечего сказать, и про историю своего дома они ничего не знают. Однако, нашлись и те, кто согласился немного рассказать о своем доме и своей жизни в нем.

Первым достаточно ожидаемым мотивом всех разговоров стало обсуждение того, насколько хлопотно ухаживать за таким домом. Две хозяйки рассказывали, как их мужья меняли некоторые элементы декора в доме — у одной муж вырезал перила для балкона, стараясь сделать их идентичными старым, у другой — муж вырезал и устанавливал новую опору в виде колонны для балкона над крыльцом. Другая женщина также говорила о том, что они обо всем *«хлопочут сами»*^[1] и подкрашивают раз в несколько лет свои наличники белой краской. В доме, разделенном на три квартиры, соседи делились тем, как периодически они так же красят свои наличники.

Кроме ухода за декором так же упоминались и проблемы бытового плана. Хозяйка второго этажа одного из деревянных домов на набережной Сухоны поделилась тем, как ее соседи на первом этаже не хотели вкладывать вместе с ней деньги в ремонт протекающей крыши. Мол, зачем нам платить, если не мы под этой крышей живем. В другом доме хозяйка рассказывала о сносе старой печи, чтобы освободить пространство для жилой комнаты в старом купеческом доме, в котором

КАРТА НАЛИЧНИКОВ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТОТЬМЫ

Ул. Белоусовская, 18|21|26
 Ул. Володарского, 5|13|16|19|21|27|33
 Ул. Ворошилова, 10|36|42|
 Ул. Горького, 8|14|
 Ул. Гущина, 19
 Ул. Кирова, 5|23|43|51
 Ул. Клочихина, 9|10

Пер. Комсомольский, 5
 Ул. Красная, 19|20|25|31
 Ул. Ленина, 15|29|41|42|45|51|54|77|105
 Ул. Луначарского, 30|35
 Пер. Речной, 5
 Ул. Спортивная, 3
 Ул. Советская, 3|13|15|19|29|34|35|40

Резной водосток на доме в Центральном районе Тотьмы

изначально было несколько печей. В деревне Погорелово хозяйка также бывшего купеческого дома показывала в огороде груды кирпичей и досок — остатки от снесенной за ненадобностью части дома.

Жительницы одного из домов с сохранившимися железными коронами на водосточных трубах и резными деревянными наличниками сетовали, что несмотря на то, что их дом замечают местные коммунальные службы, что у них проводили ремонт за счет этих служб, всё это не способствует сохранению изначального облика дома. Строители, делавшие ремонтные работы на их доме, по словам соседок, скалывали части некоторых наличников, сбрасывали с крыш резные железные оградки.

ВЛАДЕТЬ И НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: КТО ЗАБОТИТСЯ О ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЕ СЕГОДНЯ?

В целом, в нескольких разговорах всплывала тема того, кто должен присматривать за внешним обликом дореволюционных деревянных домов. Несколько жительниц были уверены в том, что это работа музея или, как минимум, кого-то из администрации. Кто-то говорил о том, что их дом фотографировали для каких-то материалов музея, но «что толку с этих фотографий», если изнутри в доме протекает крыша или гниет пол. Однако были и те, кто совсем не задумывался о привлечении третьих лиц для ремонта или реставрации своего дома. Одна семейная пара гордо говорила о том, что они «слегка подреставрировали дом»^[2], показывая на новые пластиковые окна в своей половине дома. Удачным этот пример самостоятельной «реставрации» вряд ли назовешь, так как наличники, утерянные с задней половины упомянутого дома еще до его покупки новыми хозяевами, восстановлены не были. Да и делать этого новые хозяева все равно не хотели бы, ведь зачем, если окна смотрят в огород.

Об одной специфической для таких домов проблеме также рассказывала жительница из деревянного дома 1870-х годов. При покупке дома в 1990-е годы возникла необходимость подновить некоторые части наружной отделки, в том числе козырьки крылец дома. Хозяйка жаловалась, что им чуть не пришлось заплатить штраф администрации, так как они положили неправильный настил на крышу крыльца, не соответствующий статусу дома как объекта исторического наследия.

Проблему статуса объектов культурного наследия также упоминал сотрудник администрации города, занимающийся утверждением всех проектов, связанных со строительством в Тотьме. Как он рассказал, последние пару лет в министерстве культуры лежит проект, по которому должна будет утвердиться зона на карте, которая будет признана исторической застройкой. Архитектор рассказал о том, что расшире-

Дом на улице Ленина

ние зоны застройки, признаваемой исторической, на самом деле может только навредить городу и его жителям. Существование такого статуса обязывает всех жителей зоны исторической застройки согласовывать каждое действие, касающееся ремонта дома, или любого другого вмешательства во внешний облик постройки. Также такой статус обязывает сохранять изначальную площадь застройки, то есть если кто-то из жителей решит сделать какую-либо пристройку к дому, или, например, вернуть аутентичное крыльцо, снесенное в советское время, это может быть очень проблематично. При чем именно про крыльцо один тотемский столяр-энтузиаст говорил, что его отсутствие «нивелирует образ города до среднепровинциального захолустного городка».

О СПОСОБНОСТИ «ВИДЕТЬ КРАСОТУ»

Эта фраза про «крылечко» также подводит к теме восприятия деревянной архитектуры в Тотьме. Для людей, близких к сфере архитектуры или столярного дела, именно резной декор является символом местного деревянного зодчества. В свою очередь сами жители домов XIX века не сильно задаются этим вопросом. Большинство информантов отмечало то, что когда ты живешь в бывшем купеческом доме, сам перестаешь замечать его красоту. Вспоминаешь о ней только тогда, когда прохожие твой дом фотографируют, или когда соседи бросают завистливый взгляд.

Возможно, это связано с тем, что многие из сохранившихся купеческих домов сейчас являются своего рода коммуналками, в которых живет несколько семей. На почве разногласий о том, что такое реставрация и нужна ли она вообще, могут возникать конфликты между соседями. Наверное, если такой дом находится в одних руках, то наиболее вероятно возникнет мысль о том, что красоту своего собственного дома надо бы сохранить.

В ПОИСКЕ НОВЫХ СИМВОЛОВ И БРЕНДОВ ГОРОДА

Также во время экспедиции у меня возникла мысль о том, что если бы кто-то сделал наличники одним из брендов города на уровне картушей, то может быть и сами жители деревянных построек боль-

ше бы внимания обращали на внешнее убранство своих домов. Может быть, что меньшая популярность деревянной архитектуры связана с тем, что, как отмечают некоторые мастера, причастные к деревянному делу в Тотьме, в городе нет нужных ресурсов, как для реставрации, так и для создания тех же наличников. Об отсутствии просторных мастерских и обученных мастеров сетовали столяр, когда-то работавший над реставрационными проектами в городе, и ремесленник, преподававший в Петровской школе.

Единственная инициатива, связанная с сохранением и продвижением тотемского наличника, — 3D работы местного столяра, больше не имеющего своей мастерской. Немного грустно он говорил о том, что он делает это, так как *«надо что-то сохранить»*. Как столяр, он делает пропорционально точные чертежи тотемских наличников в одной из несложных программ для моделирования. Однако от всех его проектов веет ностальгической грустью о том, что его дело понемногу перестает быть востребованным и популярным.

КУПЕЧЕСКИЕ ДОМА ПРОШЛОГО И КОММУНАЛЬНЫЙ БЫТ СЕГОДНЯ

Складывается впечатление, что деревянное наследие Тотьмы XIX века, несмотря на свою долгую жизнь, по сей день сталкивается с проблемами, которые связывают разные эпохи жизни этих домов. Для поддержания более-менее аутентичного внешнего облика здания, как мы видим из рассказов жителей, многим приходится делать что-то руками. Хозяевам таких домов приходится в современных реалиях осваивать минимальные навыки в ремеслах, распространенных во времена их постройки, чтобы иметь возможность заменить обвалившиеся или подгнившие элементы декора.

Советское наследие отражается в распространенности многопоколенного сожительства в домах XIX века. Можно назвать тотемские деревянные дома своего рода коммуналками, в которых соседям по сей день приходится частично делить совместный быт и решать вопросы, связанные с ремонтом кровли, сносом печей и покраской наличников. Из современности же «сваливается» груз бюрократической волокиты, связанный с признанием некоторых домов объектами культурно-исторического наследия. В итоге получается так, что купеческие дома с резными наличниками живут свою не самую заметную, в контексте туристических маршрутов, жизнь. А в окнах за этими наличниками идёт жизнь, в которой хозяева домов сталкиваются с проблемами и особенностями одновременно имперской, советской и современной России.

[1] Жительница г. Тотьма, ок. 60 лет.

[2] Пожилая пара, жители Центрального района Тотьмы.

«ПО СЛУЧАЮ ДОСТАЛОСЬ» И ДРУГИЕ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ТОТЕМСКОГО РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ.

Анна Очерет, социолог

Когда в первый раз прибываешь в Тотьму, возникает неожиданное чувство масштаба — из-за широких улиц, огромных ничем не засеянных частных участков, внушительной главной площади. Однако это впечатление обманчиво. В XIX веке поселение подобных размеров, наделенное статусом города, не вызвало бы удивления — однако сегодня, двести лет спустя, Тотьма с населением меньше десяти тысяч человек занимает пограничное состояние между городом и поселком городского типа, и многие жители отказывают ему в официальном юридическом статусе, отсылая к Тотьме как к поселку или определяя себя как сельских жителей.

Зарождается конфликт между символическим статусом города и идентичностью его населения. Небольшие размеры городского пространства во многом определяются крайне ограниченными возможностями для строительства и различными юридическими сложностями, возникающими в связи со статусом историко-архитектурного наследия. Многовековые дома и памятники деревянного зодчества разрушаются по естественным причинам, сносятся новыми владельцами или сгорают, и таким образом происходит постепенный вывод объектов из статуса регионального наследия и возникает ощущение, что объект находится в суперпозиции — принадлежит всем, не принадлежит никому. Удивительно то, что в дореволюционных домах, по своей сути архитектурных памятниках, продолжают жить люди. Подобная ситуация убивает и без того едва теплящуюся «любовь к старине» местных жителей и становится значимым препятствием в развитии рынка недвижимости, — а значит, и городского пространства в целом.

НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ РИЭЛТОРСКИЕ АГЕНТСТВА И ЭКОСИСТЕМА ТОТЕМСКОЙ ЗАСТРОЙКИ

Приключившаяся с нами загадочная, почти детективная история с несуществующим риэлторским агентством «Ключь» (дореволюционные мотивы популярны в Тотьме почти так же, как символ черной лисы), сумрачным братом-близнецом «Элита», подсвечивает проблему пограничного, почти фиктивного положения городской застройки: свежие яркие визитки, аккуратно разложенные в различных городских пространствах, отметки на онлайн-картах, действующие объявления о сдаче квартир на различных сервисах для аренды жилья — неоспоримые доказательства существования агентства. Однако, попытки отыскать его офис, чтобы поговорить о состоянии рынка недвижимости, привели нас сперва к полупустому темному зданию, а затем, по указаниям местных жителей, утверждающих, что агентство переехало, мы через дворы и переулки вышли на главную улицу — и обнаружили офис «Элита». Этот

маленький сюжет — яркая метафора сложившейся ситуации на рынке недвижимости, искусство, скопировавшее жизнь.

По своей сути, рынок недвижимости Тотьмы — закрытая экосистема, обуславливаемая крошечным фондом и неизбежной замкнутостью циркуляции. Как отметил один из респондентов, этой замкнутости присуща любопытная межпоколенческая тенденция: молодые семьи хотят самостоятельной обособленной жизни и приобретают частные дома, пожилые люди предпочитают комфорт и близость к городской инфраструктуре, и покупают квартиры.

Любопытная тенденция, на микроуровне нарушающая существующий в общественном сознании стереотип о «молодых людях, живущих в студиях и апартаментах» и «старых пригородных домах для бабушек». Сложно представить (и еще сложнее — организовать), как в эту закрытую экосистему врывается кто-то извне, желающий переехать в город, например, потомки людей, оставивших Тотьму ради возможностей больших городов, или очарованные странники. Новые дома — на самом деле старые дома, отремонтированные и покрашенные в рамках фестиваля, или же, в редких случаях, земля «досталась по случаю», — закономерный вопрос «но что же случилось?» остается без ответа, — и всё так же существуют в физическом пространстве старых домов. Возникает чувство, что город разграничен «раз и навсегда», практически не остается возможностей для строительного развития и расширения, лишь за счет бесконечного преобразования уже освоенной среды.

В современной Тотьме даже «по случаю» практически невозможно приобрести «пустое поле», в особенности — «пустое коммерческое поле». Вся недвижимость, которую можно купить или продать, так или иначе является исторической частью города, насколько бы расплывчатым и неясным не было бы это понятие. Сложности строительства неизбежно оказываются связаны с бюрократическими и юридическими особенностями статуса города, «исторического наследия». В ментальной карте горожан отсутствует как таковой исторический центр, — вернее, «сложно определить, где историческая часть заканчивается, весь город — это история», однако благодаря особому юридическому статусу Тотьмы, любое строительство «с нуля» сопряжено с бесконечным количеством документальной работы, многократного согласования проектов с властями, и с недавних пор — необходимостью проведения археологических работ, что естественным образом отпугивает потенциальных застройщиков.

Хаотичная советская застройка окраин города и окрестных поселений (в особенности Варниц) слабо работает на создание идентичности города, — те несколько важных исторических зданий, распечатанных на открытках, соседствуют с низенькими квартирами из светлого кирпича, как соседствуют современные коттеджи с участками, заросшими дикой травой. Тотьма в целом — город противоречий: так, например, ориентированность на эстетику Российской Империи (стилизованные вывески, сохранение памяти и так далее) вероятней всего отыскать на улице, названной в честь Героя Советского Союза. Отсутствие непротиворечивого и последовательного образа города и внутренняя дифференциация «обитателей» могут являться результатом поставленной проблемы.

Важной особенностью является то, что при достаточно высоком уровне маятниковой миграции слабое развитие находит общественный транспорт, — существуют несколько пригородных маршрутов и множественные возможности уехать в Вологду или соседние крупные города, однако, внутри города общественный транспорт отсутствует вообще. Многие из тех, кто работают в городе, по описанным ранее причинам сталкиваются с невозможностью приобрести жилье в черте города, и значительная часть регулярных «обитателей» Тотьмы на самом деле не местные.

Статусное потребление в Тотьме, характеризующееся в основном вложениями в участки на береговой линии Сухоны (реже — Песьей-Деньги), частные бани, дорогих внедорожников и собачек декоративных пород из череповецких питомников; как подметил один из респондентов, «на что ещё тратить деньги?».

«ЭЛИТНЫЙ КОТТЕДЖНЫЙ ПОСЕЛОК» УСТЬ-ЕДЕНЬГИ

Расположенная неподалеку Усть-Еденьга позиционируется местными жителями как «элитный коттеджный поселок», и фактически является поселком с типовой советской застройкой с небольшими микрорайонами элитного жилья у прибрежной зоны, — и потрясающей природой. В целом, как и во многих других городах, застройка у берега реки в Тотемском уезде считается наиболее «статусной» и «престижной», что отражается в том числе в названиях отелей и домов отдыха.

Прибрежные микрорайоны Усть-Еденьги отличаются, впрочем, визуальным единством, — красивые и статусные деревянные особняки сменяются лаконичными современными домами, идеально одинакового светло-голубого цвета, как из одной пасхальной корзины, и можно определять, как изменялись общественный вкус и мода на облицовочные материалы и с течением времени, и расширением поселения. Проблема, с которой сталкивается Усть-Еденьга по своей сути немного отличается: не отсутствие целостного образа, а фактическое несоответствие поселения идентичности «местной Рублевки».

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Интересным замечанием будет то, что строительная мода Тотемского уезда в последние несколько лет вновь возвращается к истокам, то есть от кирпича к дереву, — от модерна к традиции. Подрядчики и стройки из прошлого Тотьмы — интересный сюжет, заслуживающий отдельного изучения. Когда-то Тотемский уезд был экспортером стиля, мастерства зодчества, колыбелью — сегодня город не может похвастаться ни одним местным застройщиком, все работы выполняют вологодские компании; за архитектурно-строительным расцветом неизбежно последовал закат.

КОГДА МОЛЧАТ ЗДАНИЯ И ГОВОРЯТ ПРЕДМЕТЫ: СЛОИ ПАМЯТИ В ЦЕРКОВНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И МУЗЕЙНОЙ ИСТОРИИ

ВИНЗАВОД ВО ВХОДО-ИЕРУСАЛИМСКОЙ ЦЕРКВИ: «КРОВЬ ГОСПОДА» ИЛИ ПРОСТО «КЛЮКВЕННОЕ И БРУСНИЧНОЕ»?

Марина Горбунова, историк

Однажды днём я зашла на тотемский рынок, чтобы узнать, как и где я могла бы найти одну из бабушек, родственник которой какое-то время работал на винзаводе. Хоть её там не оказалось, в тот день я получила интересный совет — мне сказали, что, так как о винзаводе сохранилось очень мало сведений, я могла бы попробовать узнать что-то о нём при помощи вещего сна. Этот разговор оказался очень полезным источником об отношении местных жителей к предприятию. Основная проблема, на которую он указывает — это загадочность зияющей пустоты в источниках, которая обнаруживается везде — начиная от архивов и заканчивая разговорами с местными жителями, которые чаще всего начинались с легкого замешательства, а затем сводились к описанию ассортимента изготавливаемого вина, состоящего чаще всего из «клюквенного и брусничного»^[1]. Хоть тематика пустоты и не проговаривается как проблема, но для исследованной мной темы она является основным связующим звеном.

Казалось бы, когда пространство является таким ярким маркером эпохи, переплетая в себе множество контекстов, способных красочно рассказать о промышленности, повседневности, гендерных установках и даже религиозности советского периода, оно должно становиться интересным и полезным для изучения историческим объектом, привлекающим к себе внимание как исследователей, так и местных жителей. В этом исследовании я постараюсь ответить на вопрос о том, почему этого не произошло с историей винзавода из Входа-Иерусалимской церкви и как об этом предприятии говорят в современности.

РОЖДЕНИЕ НОВЫХ СИМВОЛОВ: ПРОТИВОРЕЧИЕ ЭПОХ И ИСТОРИЙ

С первых минут в глаза бросается особенность окружающих винзавод рассказов — наложение огромного количества различных противоречий, которые невозможно легко и быстро себе объяснить. На первый взгляд, тотемский винзавод может показаться обычным явлением для советского времени — в конце концов, советская идеология отвергла религию как пережиток прошлого и часто храмы не просто ставились наравне с любыми другими помещениями, но и вовсе подлежали сносу. Этим мало кого можно удивить, часто это воспринимается как факт советской повседневности, к которому все уже давно привыкли, вне зависимости от различий в моральной оценке этих действий.

Тем не менее, хоть на протяжении советского периода этот храм также подвергся некоторому разрушению, помещение в него завода одновременно с принесением определенного вреда культурному на-

следию, всё-таки позволяло сохранить сам храм, делая его функциональным и, следовательно, не подлежащим сносу. С одной стороны, акт основания завода отрицает религиозные ценности, буквально замещая их одним из главных символов новых идеологических установок — советским предприятием. Новый символ буквально ставится на место старого, возможно, для того, чтобы акцентировать внимание на особенной значимости новых ценностей и положения, которое они теперь должны занимать. С другой — сама идея основания именно винзавода в храме может трактоваться и в религиозном ключе. В христианском обряде причащения вино символизирует кровь Христа — таким образом, установление производства вина в здании храма обретает неожиданные религиозные ассоциации, которые могут восприниматься местными жителями совершенно по-разному. Такие яркие метафоры вмещиваются в самую идеологическую суть советской идеи завода, воспринимаемого как место господства индустриальной современности и площадки для воспитания нового советского человека.

Несмотря на все присущие этой теме интересные противоречия, достойные того, чтобы их разрешить, воспоминания об этом месте в значительной степени утеряны, остались лишь обрывочные факты и предметы, практически случайно разбросанные по разным музейным экспо-

зициям, архивам и личным коллекциям. От самого обустройства винзавода осталась лишь машина для фасовки и закупорки бутылок, в другом музейном пространстве можно увидеть этикетки от вина из частной коллекции, а архив предприятия все еще не перешёл в городской архив, что значительно затрудняет проведение исторического исследования на основании сохранившихся документов. Из действительно информативных с исторической точки зрения материалов остались только фотографии с винзавода и сообщения о нем в местных газетах за период с 1947 по 1985 год, на основании которых в основном и написаны такие публикации, как «Осколки времени»^[2].

В поиске каких-либо сведений об этом предприятии я обращалась не только к местным жителям и рабочим винзавода, но и разговаривала с музейными работниками. Среди них в первую очередь есть запрос на то, чтобы найти какую-либо информацию о предприятии их города, оставившем за собой так мало следов. Понимая пробел в исследованиях и музейной экспозиции, они указывали на ряд проблем, с которыми обычно сталкивались, пытаясь найти больше документов или устных сведений о винзаводе. В первую очередь, все они говорили о том, что огромным препятствием на пути исследования является то, что подавляющее большинство рабочих винзавода уже умерли, а взять интервью у них никто не успел^[3]. Эта ситуация сначала может казаться достаточно странной, поскольку винзавод в здании Входа-Иерусалимского храма существовал до 1985 года и теоретически в это время в нем могли работать достаточно молодые на тот момент люди. Тем не менее, в процессе исследования я обнаружила, что действительно не могу найти достаточное количество рабочих с того предприятия, а оставшиеся говорят о том, что не могут вспомнить практически никого из тех, кто ещё жив на данный момент.

Другой крупной проблемой, на которую также указывали музейные работники, является отсутствие документации предприятия и, следовательно, письменных источников, на основании которых можно было бы провести историческое исследование^[4]. Такая проблема возникла в том числе по причине того, что организация Тотемского райпо, сохранившаяся ещё с советских времен, так и не передала в городской архив документы по винзаводу даже за советский период. Подобные трудности с доступом к источникам также повлияли на исследованность темы в музейной среде.

Основным фокусом моего исследования является окружающая тематику винзавода пустота — как материальная, так и эмоциональная. Пустота как отдельно выделяемая часть реальности может особенно продуктивно изучаться на постсоветском пространстве, поскольку смена политических и экономических реалий в постсоциалистических странах вызвала процессы особенно заметного для местных жителей изменения ежедневных практик и запустения старых пространств. В такую концептуальную рамку хорошо вписываются исследования старых предприятий, существование которых прекратилось во многом по причине распада советской системы и его последствий.

Тем не менее, в то время как большинство работ по антропологии постсоциалистической пустоты делают акцент на том, что исчезновение

бывших советских предприятий воспринимается местными жителями достаточно болезненно, нельзя с полной уверенностью сказать то же о винзаводе. Несмотря на то, что местные жители воспринимают его утрату как потерю для местной промышленности, в ситуации винзавода в рассмотрение входят еще и другие факторы, делающие это предприятие достаточно сложным для восприятия — его расположение в храме, некоторая маргинальность темы алкоголя, которую местные жители не считают серьезной темой для обсуждения, а также сложные политические вопросы, которые возникают при попытке более подробного изучения истории возникновения и исчезновения этого завода.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ВИНЗАВОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАССКАЗОВ О НЁМ.

Несмотря на большие пробелы в источниках о винзаводе, существует сложившийся способ рассказывать его историю, который я представлю в нескольких следующих абзацах. Винзавод был основан в 1947 году во Входе-Иерусалимском храме. По причине того, что это было здание без водопровода и других удобств, работникам необходимо было очень много вещей делать вручную. В основном, на предприятии за все время его существования работали женщины^[5]. Если на предприятии и были мужчины, то скорее на более высоких должностях^[6].

За 1960 – 1970-е годы от предприятия осталось очень много фотографий, поскольку тогдашний его директор был фотографом и любил снимать заводскую повседневность^[7]. До своего переезда в 1985 году предприятие производило достаточно широкую линейку продукции, несмотря на то, что оно было сравнительно маленьким, а штат составлял около тридцати человек^[8]. Там производили квас, несколько видов вина, вермут, лимонад, мороженое, сахар и даже леденцы на палочках^[9]. Важной особенностью производства было то, что рецепты приготовления большинства напитков были запатентованы, а специальные соки и дрожжи для производства привозились из Москвы. Затем, в 1985 году предприятию пришлось претерпеть очень много изменений. Во-первых, винзавод переехал в более подходящее для нужд производства здание. Во-вторых, государственная антиалкогольная кампания, начавшаяся в 1985 году, заставила предприятие значительно изменить свой производственный процесс и приспособляться к новому рынку^[10].

Изложенная выше история винзавода, по всей видимости, является общей рамкой, в которую большинство местных жителей укладывают своё представление о винзаводе. Тем не менее, такой подход к описанию его истории как будто пытается поставить винзавод в ряд с большинством других предприятий Тотемского района, не учитывая отличия в истории и его восприятии местными жителями, которое могло проистекать из его расположения, времени основания и закрытия, а также специфики промышленности.

СЛЕДЫ ИСТОРИИ ВИНЗАВОДА В СОВРЕМЕННОСТИ

Несмотря на то, что винзавод перестал существовать относительно недавно, на данный момент в Тотеме достаточно сложно найти материальные следы, которые он оставил за собой. Мы можем увидеть лишь

Иллюстрация автора

само здание храма, по которому сложно судить о быте винзавода, фасовочно-укупорочную машину и этикетки некоторых видов производимого вина из частной коллекции, экспонируемые в музее церковной старины.

Само здание Входа-Иерусалимского храма, в котором и располагался винзавод, на данный момент занимает музей мореходов, посвященный истории тотемских мореплавателей и их открытий. Несмотря на то, что винзавод переехал в другое здание в 1985 году, в музее мореходов остались следы его присутствия, от которых не смогли или не захотели избавиться во время основания там музея в 1996 году. Как рассказывали музейные работники, принимавшие участие в очистке здания после десятилетнего перерыва в его эксплуатации, укупорочная машина, являющаяся сейчас частью экспозиции, была оставлена там во многом потому, что у сотрудников музея не было возможности вынести ее из здания^[11]. Эта чугунная машина такая тяжелая и большая, что её пришлось бы для этого разбирать, а это могло значительно ей повредить. Вместо этого сотрудники музея просто поменяли её расположение, убрав с алтаря и переместив в центр второго выставочного зала. Укупорочная машина не просто является ещё одним относящимся

к советскому периоду экспонатом этой выставки, но скорее добавляет ей новые смыслы, интересно взаимодействуя как с организацией музейного пространства, так и с рассказом экскурсовода. Сама выставка в музее мореходов организована в советской логике, несмотря на то, что она была создана в 1996 году. Особенно ярко отсылает к советской идеологии организация последнего зала, который находится в алтарной части храма. В логическом конце выставки, между двумя красными советскими флагами, находится маяк, который, по всей видимости, символизирует устремленность вперед и путь, проделанный в мореходстве под знаменем коммунизма.

Укупорочная машина, оставшаяся как атрибут советского периода существования Входа-Иерусалимского храма, вступает в противоречие с этими явно находящимися в поле советской идеологии предметами. В то время как построение музейной экспозиции как будто всё ещё живет символикой Советского Союза, укупорочная машина наводит на мысли о том, что советское время в своей сути на самом деле прошло, оставив за собой только внешние символические следы, но потеряв самую свою суть, отражавшуюся в том числе и в отношении к религиозному и историческому наследию, следствием которого была и возможность разместить завод в храме.

Из подобных материальных остатков винзавода, которые были в различных обстоятельствах музеефицированы, можно также увидеть различные ярлычки и этикетки, являющиеся частью частной коллекции, экспонируемой в музее церковной старины. Тем не менее, несмотря на такие точечные случаи коллекционирования, можно заметить, что в экспозиции местного краеведческого музея отсутствуют какие-либо предметы, относящиеся к винзаводу. В такой ситуации наиболее ценными источниками становятся фотографии с производства, которые делались в 1960, 1970 и 1980-х годах его директором. Они становятся основными экспонатами, представляющими жизнь завода в советский период.

Как можно заметить, винзавод окружает большое количество конфликтующих фактов, интересным образом взаимодействующих друг с другом. Он одновременно является советским заводом и наполнен религиозными метафорами. Его существование может быть причиной спасения Входа-Иерусалимского храма, но одновременно с этим можно винить его создателей в разрушении культурного наследия. Сохранившиеся о нем сведения могут поражать своей скудостью, но одновременно с этим количество наплавающихся в нем проблематик — советской промышленности, религиозности, гендерных установок и политических противоречий — наводит на мысли о том, что через призму истории винзавода можно изучить многие аспекты советской истории.

Во многом забвение этого предприятия может быть объяснено как раз противоречивостью и потенциальной проблемностью тематик, которые необходимо затронуть для подробного изучения винзавода. В его истории пересекаются темы промышленности и религии, представления о «мужской» и «женской» работе, темы алкоголя как части местной промышленности и частной жизни каждого человека — все эти переплетения делают эту тему сложной и иногда даже эмоционально тя-

желой для обсуждения. В конце концов, для того чтобы по достоинству оценить потенциальную полезность изучения истории этого предприятия, необходимо научиться смотреть на советское наследие не только как на исключительно хороший или исключительно плохой период, но как на сложную и неоднозначную историческую реальность.

- [1] Полевой дневник автора.
- [2] Музейный работник в Тотьме (полевые материалы автора (здесь и далее «ПМА», июль 2022).
- [3] Сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение» (ПМА, июль 2022).
- [4] Сотрудница МБУК «Тотемское музейное объединение» (ПМА, июль 2022).
- [5] Рабочая завода, г. Тотьма (ПМА, июль 2022).
- [6] Бухгалтер завода, г. Тотьма (ПМА, июль 2022).
- [7] Сотрудница МБУК «Тотемское музейное объединение» (ПМА, июль 2022).
- [8] Рабочая завода, г. Тотьма (ПМА, июль 2022).
- [9] Бухгалтер завода, г. Тотьма (ПМА, июль 2022).
- [10] Бухгалтер завода, г. Тотьма (ПМА, июль 2022).
- [11] Сотрудница МБУК «Тотемское музейное объединение». (ПМА, июль 2022).

ХРОНИКИ ЭКСПЕДИЦИЙ И БИОГРАФИИ ЭКСПОНАТОВ: КОГДА ПРЕДМЕТ ГОВОРИТ О СЕБЕ ЧЕРЕЗ ДНЕВНИКИ

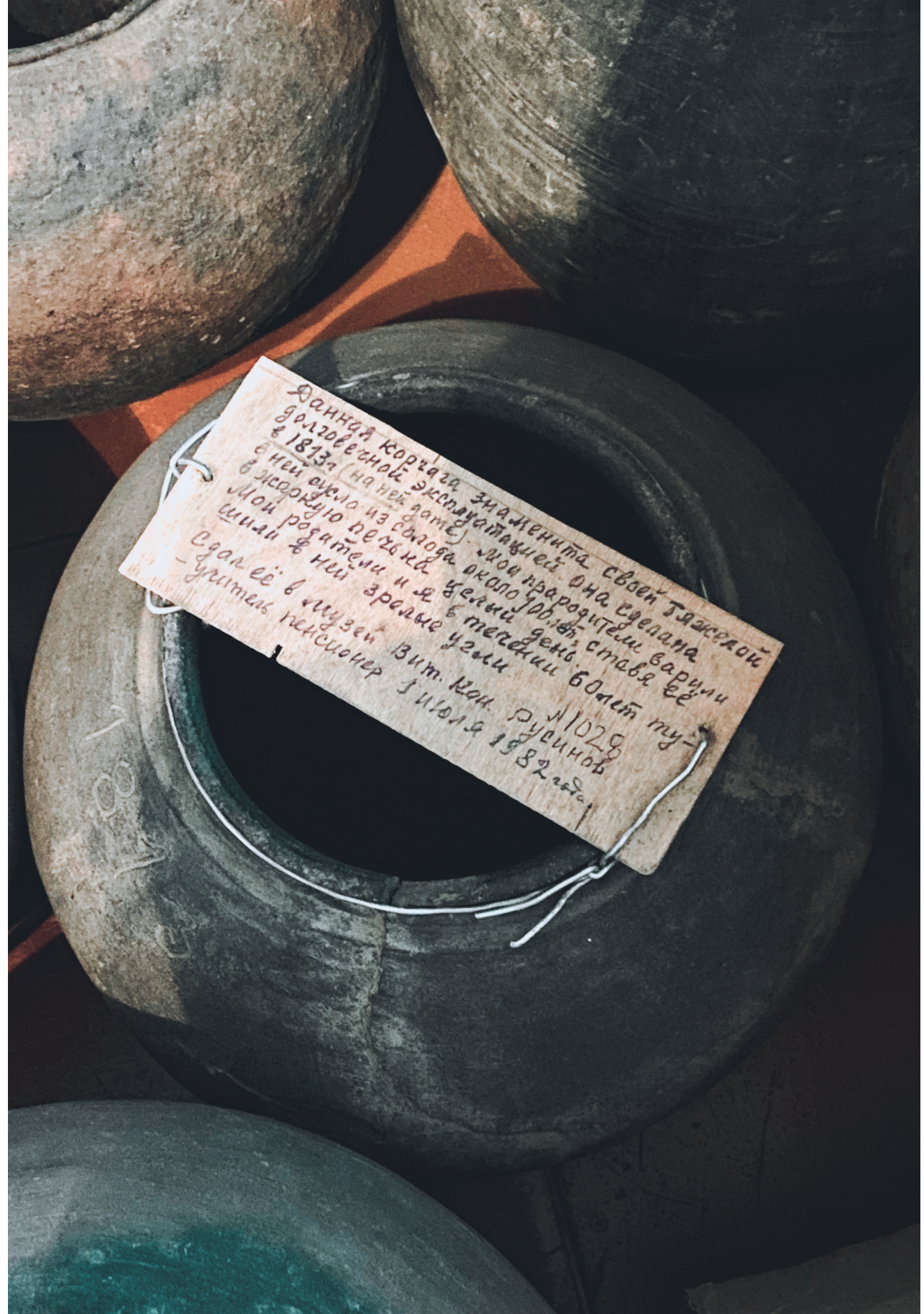
Дарья Москвина, историк и антрополог

Когда я рассматривала экспозицию музея «Открытое хранение фондов» в Тотьме, мой взгляд остановился на одном из экспонатов, а вернее, на бумажной карточке, прикрепленной к нему:

«Данная корчага знаменита своей тяжелой долговечной эксплуатацией. Она сделана в 1813 г. (на ней дата). Мои праародители варили в ней сусло из солода около 100 лет, ставя её в жаркую печь на целый день. Мои родители и я в течении 60 лет тушили в ней зрелые угли. Сдал её в музей Вит. Кон. Русинов — учитель пенсионер 1 июля 1982 года».

Я невольно улыбнулась. Не в каждом этнографическом или краеведческом музее увидишь экспонат, сопровождающийся такой, пусть и лаконичной, историей своего бытования. По законам жанра, в стенах музея экспонат лишен многих контекстных деталей: чаще всего его сопровождает этикетка с указанием датировки и локализации. А как экспонат попал в музей? Был ли он куплен или подарен владельцем, а, может быть, найден в заброшенном доме? Эти детали не заметны посетителю, но тщательно зафиксированы сотрудниками музея: в книгах поступлений, описях коллекций, карточках предмета. Такие документы, хотя и содержат расширенную «биографию» экспонатов, служат цели упорядочивания и систематизации информации о коллекции, что часто требует формализации. В результате, живые свидетельства владельцев экспонатов, подобные упомянутой бумажной карточке, могут остаться за кулисами публичной музейной жизни. Не предполагает формализованная система регистрации и экспонирования музейных предметов отражения эмоций и переживаний собирателей коллекций, детального описания рутины и бытовых аспектов собирательства. Исключением в этой формализованной системе музейной бюрократии, как мне показалось, были дневники экспедиций, с которыми мне удалось поработать в архивном отделе Тотемского музейного объединения.

В своё время дневник являлся одним из элементов отчетности музейных сотрудников (его нужно было сдать в архив). Однако его формат и содержание, как видно из анализа стилистики текстов самих дневников и воспоминаний сотрудников, не были так жестко регламентированы, как, например, оформление акта, регулирующего поступление предмета в собственность музея. А потому дневник является уникальным источником, который бережно сохранил истории о формальных и неформальных правилах сбора экспонатов, этике собирательства и экспедиционной рутине. Страницы дневников навсегда запечатлели радость новых открытий и вдохновение при встрече с уникальными экспонатами, переживания сотрудников и решения бытовых неурядиц.

Далее я расскажу подробнее об экспедициях за экспонатами в 1980–2000-е, историю которых я открыла для себя через дневники и воспоминания их постоянных участниц: Ольги Николаевны Макаровой, научного сотрудника и заведующей музея «Открытое хранение фондов» и Валентины Алексеевны Притчиной, заведующей музеем церковной старины в 2014–2021 годах, в разное время заведующей отделом дореволюционного прошлого, музейно-выставочным центром, художественным отделом. Валентина Алексеевна участвовала в экспедициях начиная с 1980-х годов, Ольга Николаевна — с 1990-х.

Ольга Николаевна вспоминает, что в экспедиции обычно выезжали во вторник, а в пятницу вечером возвращались. Дневник экспедиции велся с первого дня и в нем описывалось как к выезду готовились, что закупали, откуда и во сколько выезжали. В дневниках разных лет отражаются детали основательной подготовки к экспедициям: «заготовили пачку актов, счетов, взяли пластырь, для того чтобы на экспонатах ставить номера, сантиметр и многое другое»^[1], «загрузили спальные мешки, котелок, продукты, множество вещей (на все случаи жизни)...»^[2]. Перед выездами всегда собирались планерки, на которых обсуждался маршрут экспедиции и её команда. Читаем в дневнике 1991 года:

«Выезжали сегодня довольно поздно, в десятом часу, нашего директора забросали вопросами приезжие гости музея, и потому мы успели попрощаться со всеми коллегами, которые подходили к машине, глядя на нас завистливыми глазами»^[3].

Я попросила Ольгу Николаевну прокомментировать этот фрагмент. Экспедиции были в основном летние, и совпадали с периодом активного туристического потока, а потому команду собирали из числа тех, кто «не в отпуске и свободны от работы»^[4] в ту или иную неделю. Ольга Николаевна объясняет «завистливые глаза» коллег, описанные в фрагменте дневника: многим хотелось попасть в экспедиции — «все равно это же ведь интересно, пять дней — неделя, ты едешь в другой район, получается, на какую-то территорию», если «устали уже от работы или от чего-то, съездил — ты развеялся таким образом, до отпуска или перед отпуском...»^[5].

По приезду на место шли в сельсовет и «докладывали, что не просто так приехали, что [это] экспедиция, <...> чтобы людей с ума не сводить, <...> всегда предупреждали»^[6]. Обращаться в сельсовет нужно было и для того, чтобы попасть в заброшенные дома, просто «залезть в любой дом» музейные сотрудники не могли, необходимо было спросить разрешения, разузнать про владельцев дома, поговорить с жителями соседних домов, получить разрешение и у них. Всем сотрудникам выдавалось командировочное удостоверение, с собой брали его, а также музейное удостоверение, другие документы. Из числа членов команды выбирался старший, помимо организационных вопросов, он вел дневник; между собой команда разделяла и прочие обязанности: кто-то обустроивал жилье, кто-то готовил еду.

Дневники экспедиций содержат подробные описания сбора экспонатов, из которых становятся понятными негласные правила, своеобразный кодекс этики собирателей. Важным было подчеркнуть то, что сбор происходит именно для музея, Ольга Николаевна отмечает, что

в разговоре с владельцем они «старались доказать, что на чердаке только вы [владельцы — Д. М.] видите, и то, когда подниметесь, а если вы сдали, то пусть не вы увидите, то ваши предки [потомки — Д. М.] все равно увидят. Или они могут даже в тот же музей прийти и сказать, что в таком-то году, моя бабушка, к примеру, сдала сарафан, покажите мне его. Мы должны показать, по запросу»^[7].

Неотъемлемой частью сбора экспонатов было заполнение актов, которые подготавливались в трех экземплярах, в них фиксировалась дата, данные сотрудника, ответственного за сбор, данные владельца (в том числе паспортные), адрес, перечислялись переданные предметы, один экземпляр акта оставался у владельца. Акт подтверждал установление отношений владельца с музеем и отличал музейный сбор от любительского, или от простой покупки предметов скупщиками. О других лицах, заинтересованных в сборе и покупке вещей, например, пишет Валентина Алексеевна Притчина в дневнике экспедиции в Тарногский район 1984 года. Она сетует на то, что за выезд хотелось собрать гораздо больше предметов, чем получилось в итоге, но это объясняется тем, что в районе уже было много подобных экспедиций из Москвы, Ленинграда, Вологды...

«...были и единичные любители старины, собирали медную посуду, старинные деньги, иконы, и т.д. Очень часто вещи уносили бесплатно, поэтому некоторые местные жители приезжим не доверяют. Очень многие хорошие, интересные вещи люди берегут в память о родственниках»^[8].

Для музейного работника было важно зафиксировать состояние предмета, его сохранность: какие детали отсутствуют, какие есть поломки, и т.д. Этим отличалась работа музейных работников с экспонатами от деятельности других (любителей, скупщиков), например, Ольга Николаевна Макарова рассказывает, что однажды в экспедиции они пересеклись со скупщиками:

«Перед москвичами, перед питерцами в дом заходим. Ирукомойник... как золотой, он настолько начищенный <...> и такой же медный таз. Блестит, как будто стоит чисто для показа. Но хотя он рабочий. И как раз мы в этот дом зашли, и потом едут: сначала машина москвичей, потом питерцев, забегают, говорят: «А вы что это тут собираете?». Мы объясняем, что мы собираем для музея, а они в то же время собирают сами для себя, для продаж. И они спрашивают: «А вы самовар как собираете?» Мы отвечаем: «В каком виде отдают, в таком и собираем. Нету крана — значит нету крана. Так и пишем в сохранности: нету крана, нету конфорки, или еще чего». А они говорят: «А мы собираем так, что один собираем из нескольких». Им-то для продажи, а нам-то для музея. Мы не можем... я не могу как музейный работник сказать, что всего хватает, или что мы его у вас брать не будем, потому что чего-то нет. Мы просто [это] в сохранности указываем сразу»^[9].

Таким образом, одним из важных моментов при сборе экспонатов было выстроить доверительные отношения с владельцем, объясняя, что вещь дарится или продается для музея, что подтверждается документально и при желании владелец (или его близкие) даже могут «проведать» вещь в музей.

Интересным, но почти не отраженным детально в документах (дневниках и актах) является то, что можно назвать ситуативной экспертизой ценности предмета. Предметы оплачивались из средств, выделенных музеем на закупку, цена вносилась в акт, который по приезду рассматривала специализированная комиссия. Уже постфактум комиссия могла отметить, что какой-то предмет был куплен неоправданно дорого, и т.д. Однако решение о том, сколько заплатить владельцу, принималось в экспедиции, прямо на месте. Но как же музейные сотрудники определяли цену вещи? А как сам владелец решал, подарить или продать экспонат? Валентина Алексеевна рассказывает, что чаще всего дарили деревянные и глиняные изделия, а, например, тканым изделиям «женщины знали цену», и они в основном продавались. Я спрашиваю у Валентины Алексеевны, как именно понимали, какая цена будет справедливой? Мне казалось это самым сложным в работе экспедиции. Она поделилась, что для команды экспедиции это был сложный вопрос, с одной стороны, исходили из того, сколько денег выдавалось на закупку. С другой стороны, не было никаких твердых расценок, которые считаются правильными. Валентина Алексеевна делится, что не хватало «экспертизы, как понять внутри-то, сколько человеку заплатить: может ты не доплатил, может переплатил»^[10].

Приведу фрагмент дневника экспедиции в Биряковский сельсовет. Июнь 1990 года...

«Ехать по асфальту приятно, дует ветерок, а на сердце неспокойно, большое желание увидеть деревни, где мы ни разу не были, в фондах музея нет предметов (за исключением нескольких единиц) из Биряковской волости Тотемского уезда. Первая деревня, где мы остановились — д. Борщевка, как мы до нее добирались, в поле дорога неважная, за нами тучи паутов, они ринулись на нас, как только мы вылезли из автобуса у первого дома...»^[11].

Этот фрагмент контекстуализирует процесс собирательства: экспонаты не просто попадают в музей сами по себе: у них есть история не только бытования, но и их сбора, которая в том числе раскрывается на таких деталях, как описание дорожных и погодных условий, и даже встречи с насекомыми.

«Первой, с кем мы познакомились, была Викульева Елизавета Александровна (с 1915 г.р.), к ней мы и зашли. От нее мы узнали, что когда-то в деревне было домов 70, а сейчас живут в 4-х домах. За деревней когда-то стояла кузница, в ней работал кузнец Соколов Николай Федорович, была в деревне и мельница, на реке Шонтас, приток Тиксны»^[12].

В деревне своих мастеров прялок она не назвала, в д. Жуково был мастер Арсентьев. Е. А. подарила нам прялку (еловую), она принадлежала её матери Фелисите Ивановне Шестаковой (ок. 1900 г.р.). Мастер, сделавший прялку — не известен. От Е. А. узнали, что словые прялки более ломкие, чем березовые.

За 5 руб. она продала нам рубаху-исподку, её носила её мать «в девках». Особенно интересным показался геометрический орнамент (я разглядывала в ромбик, крестообразные знаки, способные предохранить челове-

Прялки из собрания музея «Открытое хранение фондов»

ка от попадания на его тело нечистой силы). <...>

Её соседка Патокина Александра Александровна (с 1922 г.р.) ур. д. Борщевка, подарила нам прялку, принадлежавшую её матери Надежде Ивановне Валовой с 1902 г.р., корзинку из березовых лычек, сделанную Михаилом Андреевичем Беляковым (плел он и лапти), кринку, плошку и кринку печь пироги. По словам А. А. это привозные гончарные изделия»^[13].

На примере этого фрагмента хорошо видно, что в дневнике экспедиции присутствуют описания не только самих предметов и условий их передачи, но и значимый на взгляд сотрудников контекст. Так, например, отмечается, кому вещь принадлежала изначально, раскрывается история её бытования (в цитируемом фрагменте — в трех случаях предмет перешёл от матери к дочке). Ольга Николаевна упоминала, что в дневниках писали не только о предметах, «у некоторых могли ничего не взять, но какие-то воспоминания они могли нам [передать], таким образом собирали информацию»^[14].

«Старушки разрешили походить нам по заброшенным домам. Так и ползали мы, обжигаясь крапивой, пробираясь к заброшенным домам, ползали по чердакам, сараям, боясь быть задавленными подгнившими бревнами. Особенно старались мужчины. Станислав Михайлович [Зайцев] как всегда работал вдохновенно, подтаскивал к машине то один предмет, то другой. Старался и наш шофер Вахрушов В. Загрузили в машину <...> гончарный круг, «лапу», 3 швейки, прялку, трепло, валец, челнок и другие предметы...»^[15].

После чтения этих строк кажется, что речь уже идет не просто о процессе сбора, а о захватывающем дух приключении, которое в том

числе связано с риском для здоровья. В дневниках экспедиций зафиксирована последовательная и увлекательная история того, как музейные сотрудники переходят от дома к дому, как происходит передача предметов, что рассказывают владельцы об их изготовлении, бытовании. Записывая «биографию вещи», а также детали экспедиционной рутины (как в приведенном выше фрагменте), музейные сотрудники, как мне кажется, стремились представить собирательство как процесс: сложный, неоднородный, эмоциональный. Так, в одном из дневников Валентина Алексеевна Притчина писала о том, что очень *«хочется передать всем ту атмосферу, то общение, волнение, страх и радость, с которым мы работаем в экспедиции. Загорелось сердце от радостных и не радостных встреч, и снова хочется вернуться туда, где мы работали вдохновенно в течение 4-х дней»*^[16].

С одной стороны, пополнение коллекций музея — это понятная официальная миссия музейных сотрудников в период экспедиционного выезда. С другой стороны, у процесса сбора экспонатов нет жесткого регламента, согласно которому можно досконально спланировать ход экспедиции.

В тексте я обратилась к трем типам знания о музейных экспонатах. Первый — это сам предмет непосредственно и то, что он может сообщить о себе самостоятельно (например, надписи и подписи на предмете: инициалы, год). Второй тип представлен дневниками экспедиций, которые велись «в моменте» и фиксировали необходимую на взгляд собирателя контекстуальную информацию о предмете, об экспедиционном процессе. Третий тип знания — это воспоминания сотрудников об экспедициях, о сборе экспонатов, курьезные случаи из практики собирательства. Совмещение трех типов знания и соответственно трех реальностей — предметной, письменной и устной — делает историю более «объемной».

На мысль о совмещении трех типов знания о предмете меня толкнул случай с одним из экспонатов музея «Открытое хранение фондов» — прялки с изображением павлина, которая была привезена из Нюксеницы. В день посещения музея я увидела этот экспонат и сделала фотографию на память. После осмотра экспозиции мы встретились с Ольгой Николаевной Макаровой, которая с интересом согласилась ответить на вопросы нашей группы.

В процессе разговора об экспедициях за экспонатами, Ольга Николаевна поделилась воспоминанием о прялке с павлином: в тот день одна из сотрудниц полезла с разрешения жительницы дома на чердак, где увидела торчащее донце прялки:

«Она вытаскивает, все в пыли, на улицу выносит, просто локтем проводит, и смотрит — хвост, смотрит дальше — павлин. Ну, какой может быть павлин для какой-то деревни, да? У бабуся спрашивают: «Какого времени, кому принадлежала?» А она говорит: «А я не знаю»»^[17].

В этот день от Ольги Николаевны я узнала, что в экспедициях велись дневники, и что они доступны для читателей в архивном отделе Тотемского музейного отделения. Я начала чтение: дневник за дневником, экспедиция за экспедицией, и в один из дней я вновь встретилась с прял-

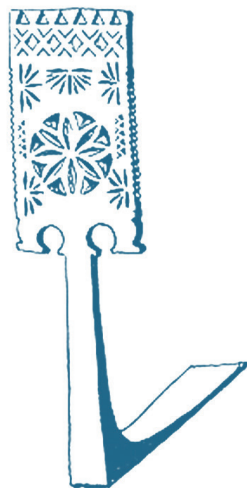
кой, историю которой мне рассказывала ранее Ольга Николаевна:

«Попросила у нее [хозяйки дома — Д.М.] разрешения посмотреть весь дом. Наверху — в мезонине — я вдруг заметила 2 прялки. Взглянула и не поверила своим глазам, обе прялки расписные, на одной цветущее дерево, а на другой — павлин — на фоне желтого солнца, и по краям прялки — цветы. Удивительный, непонятный узор. В моем представлении нюксенские прялки д. б. не такими. А тут такое чудо! Как я боялась, что бабушка не отдаст, и даже не продаст её. <...> Подарить и продать бабушка прялки не собиралась, вот если бы за продукты. И я побежала искать Ю. П. и Е. Е., прихватив обе прялки, пока бабушка не передумала. Я бежала в другой конец деревни, ног не чувствовала под собой. Хотелось петь и плясать, хотелось взлететь, хотелось работать, работать, работать. Принесли чай, сахар, тушенку, конфеты, песок. Вот и договорились»^[18].

История с прялкой с изображением павлина в режиме реального времени становилась для меня все более подробной и фактурной: я знала, как прялка выглядит, а потому все описываемую последовательность действий в дневнике я моментально представляла в своем воображении, реконструируя эту историю. Дневник этой экспедиции вела Валентина Алексеевна Притчина, с которой мне удалось поговорить вскоре после чтения имеющихся экспедиционных дневников (большую часть которых вела она). В разговоре мы в том числе коснулись коллекции прялок, и я выразила свое восхищение организацией экспозиции прялок, и ее богатством, и в частности упомянула прялку с павлином. Валентина Алексеевна отвечала мне:

«Это я привезла, это я помню... Это была деревня Ляменская, в Нюксенском районе. Зашли в дом, в такой добротный, высокий, почему-то там стены все черные, всё почему-то было закопчено <...> Я спрашиваю [у хозяйки — Д.М.]: «Может что-то у вас есть?». Отвечает: «Ничего ведь нет, ничего». Мы говорим: «Разрешите на чердаке посмотреть?» [Отвечает:] «Так полезайте» ... Ну, я залезла, там все в пыли, ... и вдруг я вижу две прялки. Ну, я конечно вытаскиваю их, на улицу, провожу рукой, и вот, этот вот павлин... Но это как-то нетрадиционно совершенно. <...> то есть это не традиционный узор <...>»^[19].

Бумажная карточка на одном из экспонатов музея «Открытое хранение фондов» стала отправной точкой в моем небольшом исследовании, посвященном экспедициям по сбору экспонатов. Так, я постаралась реконструировать сам процесс экспедиций, и в целом обратиться к истории того, что обычно остается «за кадром» экспонирования вещей. На примере прялки с павлином из Нюксеницы я показала, что знание о вещи распределено по разным источникам, каждый из которых по-разному «сохранил» прошлое. Сам предмет хранит, пусть и безмолвно, следы своего бытования, например, сколы и пятна; или сохраняет надписи и подписи, нанесенные владельцем или изготовителем (например, год или инициалы). Чтобы «разговорить» музейные вещи, можно обратиться к «тексту» и «голосу» — в моем случае это были дневники экспедиций и воспоминания сотрудниц.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ТРАДИЦИИ: СТЕРЕОТИПЫ, ОЖИДАНИЯ И МОДНЫЕ ТРЕНДЫ В МАЛОМ ГОРОДЕ

- [1] НА ТМО. Д. 1444. Дневник научной командировки в Тарногский район научных сотрудников Тотемского краеведческого музея, 1984 г. С. 1.
- [2] НА ТМО. Д. 1465. Дневник экспедиции в Биряковский с/с Сокольского района (бывш. Биряковская волость Тотемского уезда), 1990 г. С. 1.
- [3] НА ТМО. Д. 1494. Дневник экспедиции в Тарногский район, 1991 г. С. 1.
- [4] Сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [5] Сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [6] Сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [7] Сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [8] НА ТМО. Д. 1444. Дневник научной командировки в Тарногский район, 1984 г. С. 9об.
- [9] Сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [10] Бывшая сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [11] НА ТМО. Д. 1465. Дневник экспедиции в Биряковский с/с Сокольского района (бывш. Биряковская волость Тотемского уезда), 1990 г. С. 1об. — 3об.
- [12] НА ТМО. Д. 1465. Дневник экспедиции в Биряковский с/с Сокольского района (бывш. Биряковская волость Тотемского уезда), 1990 г. С. 1об. — 3об.
- [13] НА ТМО. Д. 1465. Дневник экспедиции в Биряковский с/с Сокольского района (бывш. Биряковская волость Тотемского уезда), 1990 г. С. 1об. — 3об.
- [14] Сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).
- [15] НА ТМО. Д. 1465. Дневник экспедиции в Биряковский с/с, Сокольского района (бывш. Биряковская волость Тотемского уезда), 1990 г. С. 1об. — 3об.
- [16] НА ТМО. Д. 1462. Полевая опись. Маныловский с/с, д. Слобода, 1989 г.
- [17] Интервью с О. Н. Макаровой, 05.07.2022.
- [18] НА ТМО. Д. 1462. Полевая опись. Маныловский с/с, д. Слобода, 1989 г.
- [19] Бывшая сотрудница МБУК "Тотемское музейное объединение" (ПМА, июль 2022).

*«СОБАЧЬЯ КУЛЬТУРА» В ТОТЬМЕ:
КАК ГОРОД ОДНОВРЕМЕННО ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ
И ОТСТРАИВАЕТСЯ ОТ МОДЫ МЕГАПОЛИСОВ
ЧЕРЕЗ СВОИХ ПИТОМЦЕВ*

Арсений Малиновский, социолог

Только прибыв в город, похажив по нему пару дней, мы были удивлены тем количеством собак, что выгуливается по улицам Тотьмы. Несмотря на то, что Тотьма — не самый большой город, но она способна продемонстрировать целый парад породистых, ухоженных питомцев. Заинтересовавшись распространённостью породистых и в основном «маленьких» собачек, мы решили изучить этот феномен. Променады с маленьким любимцем по набережной или на Фетихе — это дань моде или органичная часть повседневности современного тотмича? Нам, как внешним наблюдателям, культура, складывающаяся вокруг собак (и собачек) в городе, показалась новым символом и чем-то действительно значимым для сегодняшней Тотьмы. Как возник и развивался этот тренд? Что за ним стоит и как он влияет на город? На эти вопросы я постараюсь ответить в данном очерке.

*«РУССКИЙ СЕВЕР» И ПОЯВЛЕНИЕ
ПОРОДИСТЫХ СОБАК В ГОРОДЕ*

Надо заметить, что практики владения собаками — относительно новая «традиция» в Тотьме. Во всяком случае, с точки зрения опрошенных жителей это явление «недавнее».

Если говорить о каких-то конкретных временных рамках, то часто наши собеседники связывают «бум» владения собаками с «Русским севером», который проводится здесь с 2018 года. «Русский Север» — также очень замечательная и действительно «выделяющая» традиция Тотьмы. Это ежегодное соревнование собачьих упряжек, обнаружить которое в Вологодской области оказалось для нашей исследовательской группы изрядным шоком. Впрочем, несмотря на «фантастичность» этого события для нас, как внешних наблюдателей, сами тотмичи не видят ничего необычного в проводимых у них под боком ежегодных соревнованиях ездовых собак. Несмотря на отсутствие «истории» за этим событием, оно было воспринято жителями чрезвычайно благосклонно и моментально (если подумать, 2018 год — это очень и очень «недавно») стало одной из новых и притом значимых традиций. «Русский Север» стал органичной и естественной частью временного цикла в году, таким же естественным и фундаментальным, как Новый год или Масленица — «Русский Север» действительно стал одним из структурирующих время событий в Тотьме. Более того, судя по всему, он стал фундаментом для дальнейшего развития «собачьих» традиций и практик в городе. «Школа путешественников Фёдора Конюхова», проводящая

«Русский Север», как и сам Фёдор Конюхов, являются важными «доминантами» культурного ландшафта Тотьмы. Собственно, одним из весомых вкладов «Школы» в жизнь города и стали эти ежегодные соревнования собачьих упряжек, масштабные и значимые, как для горожан, так и для всероссийского спортивного сообщества. «Русский Север» служит «подарком» Тотьме от «Школы» и мостиком между городом и организацией, укореняющим ее в повседневности тотмичей, связывающих их новой общей историей.

Судя по всему, насмотревшись на красивых и благородных ездовых собак, тотмичи начали заводить себе питомцев соответствующих пород: хаски, маламутов. Также это спровоцировало общую моду на «больших» собак, вплоть до алабаев. Следы этой первой волны популярности до сих пор можно увидеть на улицах города — в виде грустной картины бездомных хаски. Социальные сети пестрят сообщениями о выброшенном щенке или взрослой особи хаски.

Бездомная породистая ездовая собака, к сожалению, также стала мрачным символом Тотьмы. Это связано, как нам кажется, в первую очередь с тем, что обозначенные породы, хаски и маламуты, чрезвычайно «требовательные»: они требуют много времени на прогулки, много внимания к себе, ухода. Любая собака — не игрушка (что, впрочем, часто неясно людям), но завести собаку ездовой породы — значит взять на себя экстраординарную ответственность. Это не всегда очевидно тем, кто заводит собак, некоторые в принципе не знают о потребностях своего будущего питомца, другие переоценивают свои возможности. В любом случае, это приводит к одной из двух вариаций: бездомной породистой собаке или к хаски на цепи у участка, что, хотя и лучше, но также безумно печально.

«Большая» породистая собака на цепи — также достаточно распространённая картина в Тотьме. Отчасти это обусловлено сказанным выше. Помимо ездовых собак, «переведённых» в ранг сторожевых псов, «Русский Север» спровоцировал моду на больших и красивых породистых собак в принципе. Часть этих собак так же, как и многие ездовые, «пришла» к своему сторожевому статусу постепенно, нередко, однако, большая породистая собака изначально заводится с этой целью, невзирая на предназначение породы. Это часто приводит к абсолютно парадоксальным картинам, когда ласковые и социальные собаки (вроде тех же хаски) становятся «сторожами» (сторожат они, впрочем, скорее всего, не слишком успешно). Отчасти, как считает наша исследовательская группа, желание завести именно породистую сторожевую собаку объясняется тем фактом, что собака — это статусный товар. По большому счёту, собака, так же, как дом, машина, телефон или модный аксессуар, является показателем достатка, социального статуса владельца. Притом для тотмичей характерно скорее не желание выделиться уникальным товаром (будь то сумочка от гуччи или особая собака), а скорее присоединение к чему-то социально приемлемому — и такой социальной нормой, похоже, в какой-то момент стало наличие большой, красивой, породистой собаки. Пусть даже эта собака не видна всем, не выгуливается по набережной, а сидит за забором на цепи, но она присутствует и уже этим выполняет свою статусную роль — как минимум хозяин знает, что он так же хорош, как другие тотмичи.

Участники гонки «Русский Север 2022»

Наши собеседники, впрочем, не соглашались с такой моделью. Что, впрочем, не опровергает её — лишь говорит о том, что это не осмысливается жителями города напрямую — то есть тотмичи (слава Богу) не воспринимают своих питомцев как товары. Те, с кем мы говорили, приводят альтернативное объяснение столь грустной картины. Они говорили, что те, кто заводят породистых собак для охраны участка, думают, что породистость автоматически делает их лучшими охранниками, нежели дворняжек, вне контекста конкретной породы. Это, впрочем, также говорит о том, что «породистость», то есть статусность и «крутость» собаки, значима для тотмичей при выборе своего питомца/сторожа.

СМЕНА ЭПОХИ: КАК КОРОНАВИРУС ПРИВЁЛ ТОТЬМИЧЕЙ К РАЗГОВОРАМ О СЛУЧКЕ

Со временем волна популярности собак в Тотьме после «Русского Севера» сошла на нет. Отчасти, как было описано выше, это произошло по причине трудностей ухода за большими собаками: по причине «Русского Севера» тотмичи выбирали требовательные ездовые породы. На этом, однако, история «собачьей» стороны Тотьмы не закончилась.

За спадом популярности последовал новый подъём, который, судя по всему, пришёлся на 2020 год. Отчасти, он был связан с главным событием 2020 года — пандемией и самоизоляцией. Одним из последствий пандемии принято считать рурбанизацию, то есть отток населения из мегаполисов, возвращение в менее плотные малые города и поселки. Впрочем, судя по всему, в случае Тотьмы это лишь усилило общий тренд, сделало его более заметным. Для Тотьмы в принципе характерна история про возвращение, про которую, во многом, следующая статья в нашем сборнике. Тотмичи часто возвращаются к себе домой, мигрируют обратно на родину, впрочем, явно изменившиеся под воздействием «большого города». Отчасти это выражается в том, что тотмичи возвращаются уже с деньгами

и возросшим статусом. Отчасти в экспансии «городских» практик — каковой, к примеру, и является свойственный скорее мегаполису, чем малому городу, паттерн тотъмичей во владении собаками, мода на них.

Вторая волна популярности характерна тем, что собак начали заводить более «возрастные» тотъмичи. Молодых владельцев собак в Тотьме меньшинство — это буквально видно на улице. Некоторые наши собеседники объяснили это тем, что людям, когда у них уже выросли дети и когда они вообще становятся более одинокими, «надо кого-то любить». И собака в таких случаях в полном смысле занимает место даже «любимца», а не питомца. Подобная потребность, очевидно, лишь усугубляется в условиях карантина и самоизоляции. Одновременно с этим собак, требующих ухода и большого числа прогулок, становится держать все труднее.

Таким образом, этими любимцами становятся в основном «маленькие» собачки, декоративные, комнатные, требующие, однако, ухода. Таким образом, в районе 2020 года в Тотьме активизируется спрос на груминг. Груминг стал ещё одним поразившим нас фактом о Тотьме — несмотря на то, что это действительно довольно маленький город, здесь появилась и успешно продолжает работать груминг-студия. Груммер, замечу, обучилась ремеслу и начала работу (в меньших, впрочем, масштабах) около того же знаменательного 2018 года.

Итак, было бы логично заметить, что, осознав трудности владения «большими» собаками, тотъмичи переключились на «маленьких» и мода на собак в Тотьме трансформировалась. Можно сказать, что хаски в Тотьме были замещены шпицами. Впрочем, причина засилья шпицов, с которого мы и начали интересоваться вопросом, не так проста. Часть ответа на вопрос о том, почему в Тотьме стало так много декоративных собачек, и в том, что мода распространилась на другие, до того не вовлечённые категории горожан, которые стали заводить собак по несколько другим причинам.

Впрочем, основная причина, как нам кажется, более или менее одина — тотъмичи заводят маленьких собак, потому что другие тотъмичи заводят собак. Это всё ещё некоторое желание присоединиться к общему тренду, стать частью сообщества. А сообщество владельцев собак в Тотьме вполне реально и ощутимо. Владение собакой становится «общей точкой» как для совершенно разных людей, так и новой темой для общения соседей или знакомых. Впрочем, для Тотьмы в основном характерно второе. Собака ещё сильнее укореняет горожанина в местном социуме, открывает новые возможности для коммуникации со старыми и дальними знакомыми, сильнее привязывает его к городу и «заземляет».

Характерной в этом контексте мне показалась следующая коммуникация, которую я имел удовольствие наблюдать. Волей случая мы с коллегой прибились к двум хозяйкам собак, выгуливавшим своих любимцев. Несмотря на шапочное знакомство и тот факт, что они были практически соседками, их повседневная коммуникация была полностью определена собаками. Они обсуждали как своих любимцев, так и чужих, с которыми они (в смысле пара собака — хозяйка знакомы). Самым интересным в этой беседе было то, что практически вся она была

посвящена теме случки и поиску случки для своего любимца. Интересно, что, несмотря на разнополость питомцев, предложение хозяйки кобеля (впрочем, высказанное со смешком и в контексте заигрывания их питомцев друг с другом) было воспринято хозяйкой сучки как шутка. При этом весь дальнейший их разговор сводился к поиску потенциальных пар и обсуждению сексуальных пристрастий кобеля.

В рамках этого «драйвера» собачьего бума в Тотьме можно выделить и другой немаловажный факт. Одновременно с укоренением в местном сообществе, с увеличением солидарности с другими тотъмичами, естественным образом горожане очень желают отделить себя от «других», провести границу мы — они. Солидарность в принципе во многом строится на противопоставлении и внимании к уникальности твоей группы. Именно поэтому наши собеседники регулярно заявляют моду на собак, в том числе на маленьких, что они считают характерной чертой их типа потребления, исключительно местной. Тотъмичи находят в своем увлечении собаками, в особенностях моды на них новый способ выделиться и укрепить внутригородские связи. Для горожан важно, что «это наше, тотемское», то есть, что подобная мода не заимствована у Вологды и тотъмичи являются в этом плане «особенными».

ТЁМНАЯ СТОРОНА МОДЫ НА СОБАК И КАК С НЕЙ СПРАВЛЯЮТСЯ В ТОТЬМЕ

Впрочем, у повального увлечения тотъмичей породистыми собаками есть обратная сторона. Как выяснилось из разговоров с владельцами, большая часть собак здесь появляется из некоего питомника в Череповце. Питомник этот описывается более или менее как ад на земле. Собаки и кошки в нём содержатся в ужасных условиях и выходят оттуда с психологическими травмами, что вполне осознаётся их новыми хозяевами. Однако это, для многих, единственный способ приобрести породистое животное, пусть и без документов, пусть и не выставочное по этой причине. И в силу этого питомник в Череповце оказывается нормализован тотъмичами. Таким образом, в ответ на тотемский (и не только) спрос на породистых собак возникают столь негуманные учреждения.

Другой проблемной стороной этой моды становится уже упомянутое засилье выброшенных животных, остатков «первой волны» этого тренда. Впрочем, в ответ на явную проблему с бездомными животными Тотьма порождает такие организации, как «Дворяне». «Дворяне» — это благотворительный проект, который занимается содержанием бездомных собак, помогает найти новый дом как своим подопечным, так и тем, кого приютить в своём питомнике не удаётся. Возможности «Дворян» с очевидностью ограничены, однако, хочется верить, что это лишь начало.

Подводя итог, хочется сказать, что в Тотьме возникла и интересная, и самобытная «собачья культура». Основания её можно искать в таком занимательном культурном явлении, как «Русский Север», который можно смело назвать уникальной чертой Тотьмы. Вдохновившись красивыми и благородными зверями на соревнованиях, тотъмичи захотели завести себе таких же собак. Надо сказать, что за 4 года культура собаководства в Тотьме процветала и развивалась, трансформируясь. Если

описывать весь этот тренд более или менее единой формулой, то можно свести это к утверждению «у тотмича должна быть собака». Наличие домашнего питомца, собаки, постепенно становится частью идентичности тотмича. И, хотя мода на собак несёт и ряд печальных негативных последствий, от бесчеловечного питомника в Череповце до хаски на цепи, Тотма учится справляться с этими вызовами, и для тотмичей сегодня всё важнее становится гуманность в отношении собак.

Тем важнее становится этот факт в свете восприятия всех «собаководческих» практик, как «фишки» Тотмы. Это становится значительной объединяющей практикой для горожан, плотно вписывается в их повседневность и представление о нормальности. Через это горожане могут и присоединиться к глобальному стандарту потребления, почувствовать общность с «нормальным», «городским» и «цивилизованным» миром, и, одновременно с тем, выделиться, почувствовать единство локального сообщества с его собственным представлением о «нормальном» потреблении и поведении.

Собака Алиса – одна из подопечных организации «Дворяне»

В ОЖИДАНИИ ВОЗВРАЩЕНИЯ: ТОТЬМА КАК МЕСТО САМОРЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ

Элеонора Говоровская, историк

«Где родился — там и пригодился» — традиционная поговорка, часто используемая тотмичами, когда речь заходит об их жизни в городе. Нередко тема жизни в маленьком городке отсылает к трудным вопросам оттока населения, а также возможности самореализации в родном городе. Даже сам исследователь, задающийся вопросами восприятия этого противопоставления и причинами отъезда и приезда местных жителей, подвержен типичным стереотипам. Провинциальный город ассоциируется со скромными размерами, недостатком развлечений и следующей из этого скукой, а уезжающая из них молодежь видит в крупных региональных центрах (которым, например, является Вологда) притяжение профессиональных и карьерных возможностей, а также интересных знакомств.

В повседневных беседах нередко проскальзывает стремление уехать в другой город хотя бы ненадолго. «Я тут чахну! Мне нужно хотя бы ненадолго в отпуск, иначе совсем грустно...»^[1]. Насыщаясь впечатлениями, люди возвращаются обратно к своей работе. К сожалению, нередко из-за таких же ощущений скуки и неудовольствия город покидают с концами, поддерживая связь с родными только по телефону. «Что мне тут в вашей Тотме делать?»^[2] — не без грусти передает цитату своей дочери моя собеседница.

Как кажется на первый взгляд, этот процесс миграции из более бедных регионов России в крупные центры является односторонним. Тем не менее, более подробное изучение личных историй тотмичей подсказывает, что это далеко не так: некоторые люди, некогда выбравшие покинуть своё сообщество ради жизни в более крупном и экономически процветающем регионе, *вернулись обратно*. В чем заключается специфика миграционной траектории такого человека и с какими трудностями он сталкивается в процессе?

Конечно, за прошедшее время в Тотме оказалось много новых лиц, которые никогда изначально и не жили здесь. С одной стороны, может показаться, что в какой-то степени процесс адаптации такого человека, приехавшего в Тотму впервые и решившего здесь остаться, влюбившись в город, может оказаться гораздо сложнее. Так, один из информантов, переехавший в Тотемский район из Москвы перед началом коронавирусной пандемии, отмечает контраст между прежней городской жизнью. «Надо-ели многоэтажки. Транспорт везде. Оно надо? Мне — нет»^[3] — так описывает он причины своего отъезда. Шумный, душный город, проживание в котором, по его мнению, также вредит здоровью, он решил сменить активностью в деревенской местности. Тем не менее, такой переход не прошел незаметно: в Тотемском районе главными сложностями были неши-

рокий круг знакомств и заброшенная местность без соседей, где сложно было налаживать отношения с жителями. «Пока здесь никого не было [то есть соседи приезжали в дома лишь в дачный сезон] — не к кому было обратиться»^[4]. Это одиночество сопровождается ощущением как будто бы незакрепленности на месте, которое осталось даже спустя некоторое время:

«Отношусь к себе как гость»^[5], — отмечает рассказчик. Это навеивает на представление о сложности адаптации на новом месте. И действительно, часто центральной темой рассказов людей, никогда не живших в Тотьме, но оставшихся здесь по работе или любви, становится некое противопоставление или напряжение, возникающее между отправляющим и принимающим сообществами. Тем не менее, на новом месте ему нравится свобода распоряжаться собственной жизнью, а со временем появились и новые знакомства. Например, в тот же день я пообщалась с информантом из соседней деревни: оказалось, что они иногда навещают друг друга.

За чашкой чая мой второй собеседник рассказал мне гораздо более грустную историю. Он упомянул девушку, когда-то купившую неподалеку дом, но так и не подружившуюся с соседями в новом окружении. Сам собеседник не может объяснить причины, которые привели к такому положению дел. Разобраться с тем, как успешно адаптироваться, в диалоге нам становится проще: «Важно ездить и лично коммуницировать». Большую роль может сыграть также и наличие проводника в принимающем сообществе — наставника или «переводчика» между двумя мирами. Без него переехавший рискует оказаться как бы замкнутым между пространствами: прежним и новым. В рассказе о своей судьбе и выборе эти два круга близких людей и коллег контрастируют друг с другом, но при этом важную роль играют транслокальные связи с родными и друзьями, оставшимися в родных городах, которые поддерживают люди, выбравшие Тотемский район в качестве своего дома или малой родины. Иногда к ним приезжают родственники; иногда они сами на какое-то время покидают город.

На первый взгляд кажется, что человек, который проходит через реинтеграцию или «перевхождение» в сообщество, которое он покинул некоторое время назад, в таком случае обладает очевидными преимуществами: ему не нужно выстраивать социальные контакты с нуля, и он будет лучше ознакомлен со спецификой локальных контекстов — истории Тотьмы и района, знание пространства города, воспоминания из детства, на которые можно опираться, для того, чтобы сориентироваться в современной Тотьме, которая, хотя и изменилась, но во многом осталась узнаваемой. Однако далеко не всегда это оказывается настолько просто, как кажется. На пути вернувшегося человека оказываются не самые очевидные трудности.

Во-первых, в период отъезда экономический и профессиональный статус человека может измениться, а та деятельность, которой он занимался в Вологде, Москве или Санкт-Петербурге, может быть недоступна или неактуальна в Тотьме. К примеру, одна из информанток с экономическим образованием, прежде никак не связанная с музейным делом, теперь работает с фондами Тотемского музейного объединения. Даже успешная профессиональная реализация в другом городе не гарантирует финансовой стабильности. Такая неопределенность оборачивается большим ударом для самовосприятия человека.

Во-вторых, за долгий срок отсутствия человека ожидаемы также перемены в «действующих лицах» города. Это наиболее заметно в случае небольших поселений, где влияние на культурный ландшафт распределено между несколькими пассионарными личностями. Так, другая информантка отмечает, что ей пришлось «привыкать» к новым людям, которые изменились за время ее жизни в Вологде и Москве. Смена главы администрации или привлечение новых работников культуры могут существенно трансформировать ландшафт города и породить новые инициативы.

В конечном итоге перед ней была поставлена цель, схожая с позицией человека, прежде не жившего в Тотьме — ей нужно переопределить себя в новой сети социальных отношений. Выпадение из социальной активности порой требует усилий для того, чтобы снова уловить ее настроения. Наконец, отправляющее и принимающее сообщество в случае личных историй вернувшихся тотмичей оказывается одним и тем же, но разделенным во времени, что порождает специфическую неопределенность в их восприятии. Некоторые из собеседников сталкиваются с непониманием со стороны близких. Нередко возвращение происходит в родительский дом — это обостряет внутрисемейные отношения и финансовое положение. Напрашивается вопрос: а готова ли принять Тотьма обратно своих героев?

ПРО ТО, КАК В ТОТЬМУ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» ПРИШЛА

Портрет человека, вернувшегося в Тотьму, обычно таков: это люди, уехавшие получать высшее образование, в Вологду, Москву или Санкт-Петербург. Это главная точка отсчета, которую информанты используют для обозначения собственной траектории миграции. Тотемский колледж позволяет молодым людям получить только среднее образование, а для диплома бакалавра и магистра приходится покидать город. Конечно, высшее образование в крупных городах России — неотъемлемая часть социальной мобильности «вверх» в целом. Как объясняет одна из моих собеседниц, живущая в окрестностях Тотьмы, в большой город она «...рвалась за цивилизацией, когда ты делаешь заказ и тебе его домой приносят. В Тотьме, по крайней мере раньше, с этим было сложно»^[6]. Интересно, что пандемия коронавируса, в момент своего пика, заморозившая городскую активность вплоть до запретов на перемещение, способствовала также и решению проблемы нехватки быстрой службы доставки и включила Вологодскую область в глобализованное российское пространство.

«Хотелось потреблять, брать всё от этой цивилизации»^[7], — продолжает рассказчица. Эта «цивилизация» (чаще всё-таки Москва и Санкт-Петербург) ассоциируется с пространством иерархии, которое нужно преодолевать и достигать вершины. Для нарратива важную роль играют достижения человека. Другой мой собеседник, вернувшийся из Москвы в Тотьму на пенсию, не без гордости описывает наследство, которым теперь пользуются его дети и внуки: «всё им оставил, квартиры, машины, пусть живут, пусть живут»^[8]. Несомненно, с гораздо большей охотой люди подчеркивают успех истории собственной миграции: там, в большом городе, у них было «всё». Кого-то из них «зовут вернуться обратно, предлагают работу»^[9]. Общей чертой этих пестрых

повествований является то, что Вологда, Москва и Санкт-Петербург выступают в этих историях как ресурсные базы — места реализации возможностей, которые не были тотмичам прежде доступны. В этих городах люди как зарабатывают много денег, так и практикуются в реализации проектов, которые позже будут переносить на почву родного города — будь то творческие выставки или целые бизнес-модели. Более того, они обрастают социальными связями и полезными знакомствами.

Однако ещё одна общая черта этого нарратива заключается в том, что истории успеха и накопления материальных и нематериальных видов капитала следом сопровождаются недовольством, которое испытывают люди по отношению к своей жизни в большом городе. «Я всего добилась, и делать мне там больше нечего», — отмечает одна из информантов, объясняя причину своего возвращения назад. «Пришло осознание, что не хочу жить в городе»^[10] — сообщает другой. Примечательно, что все собеседники акцентируют внимание в своем рассказе на развилке, который встал перед ними в какой-то момент. В постоянной рефлексии на эту тему признается и третий собеседник: «Думаю, почему, несмотря на все возможности, всё равно выбрал вернуться сюда, не проявил ли слабость, не вернулся ли в зону комфорта?»^[11]. В повествовании наступает противоречивый узел: ведь, несмотря на собственный успех там, в большом городе, тотмич возвращается домой.

«НИКТО НЕ ДУМАЛ, ЧТО ОНА ВЕРНЕТСЯ...». СОПРОТИВЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПАМ О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Иногда подобного рода сомнение исходит не только изнутри информантов, но поддерживается извне — из того самого отправляющего сообщества, теперь уже ставшего принимающим. «Зачем вернулся?»^[12] — передает вопрос своей матери один из повествующих. «Умница, красавица, никто даже не думал, что она вернётся»^[13] — рассказывает мне о своей вернувшейся коллеге информант. Мне кажется, что этот диссонанс связывается с представлениями о социальной мобильности и дихотомией центра и провинций. Если же отъезд из Тотьмы и традиционные миграционные практики ассоциируются с повышением социального статуса и накоплением капиталов, то возвращение домой работает в другую сторону и больше похоже на «падение» по социальной лестнице или «неудачей» на карьерном пути. Здесь проявляется двусмысленность владения экономическим и символическим капиталом: с одной стороны, люди подчеркивают приобретенные привилегии, доступность работы, актуальность их деятельности. С другой, они также вынуждены терпеть и наложение коллективных ожиданий на свое поведение.

Показательным способом решения этой проблемы является метафора, предложенная одним из моих собеседников. Он сравнивает большой город с листом, где много людей уже оставили свои следы. Маленькие, еще не освоенные современными проектами и инновациями города, это, в свою очередь, чистая поверхность, где есть пространства для самореализации. Для решения проблемы пограничности своего социального статуса — уже не местные, но и не мигранты, социализирующиеся в новой среде с нуля — информанты переосмысливают свой опыт возвращения не как провал, но с помощью идеи социального блага и влияния

на тотемский ландшафт. «Вместо того, чтобы тратить свои знания и умения на развитие других городов, я могу тратить их на развитие города Тотьма»^[14] — сообщает информантка. Родной город в их понимании — наиболее логичное для них пространство высвобождения собственных навыков.

Важной чертой, которой обладают вернувшиеся в Тотьму люди, является нормализованность миграционной мобильности в их жизни в целом. Далеко не всегда при возвращении домой обрывается связь с предыдущим местом проживания, и они поддерживают контакт с единомышленниками. В особенности это актуально для творческих деятелей, чья работа включает в себя участие в многочисленных выставках, групповых художественных проектах.

Включению Тотьмы в единое социокультурное пространство России способствует не только открытие пункта Ozon или Wildberries, но сама миграция из города в город, которая разрушает старые сообщества и создает неожиданные новые. Как бы ни был малый город близок к столице и связан с ней инфраструктурными, культурными, экономическими связями, временами, как отмечает начальник отдела туризма и общественных проектов, для его развития нужны новые источники вдохновения. Можно сказать, что этот процесс двунаправленный: иногда творческий импульс в Тотьму приносят люди, сначала усваивающие эти идеи и реализующие конкретные городские проекты в больших городах, а затем переносащие это на новую, тотемскую почву; однако некоторые идеи способны зародиться лишь в атмосфере глубинки с ее особым культурным ландшафтом.

[1] Воспитательница, г. Тотьма.

[2] Пенсионерка, г. Тотьма.

[3] Пчеловод, д. Петухово.

[4] Пчеловод, д. Петухово.

[5] Пчеловод, д. Петухово.

[6] Деятельница культуры, п. Текстильщики.

[7] Деятельница культуры, п. Текстильщики.

[8] Пенсионер, г. Тотьма.

[9] Деятельница культуры, п. Текстильщики.

[10] Скульптор, д. Орловка.

[11] Скульптор, д. Орловка.

[12] Скульптор, д. Орловка.

[13] Сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение», 31 год.

[14] Деятельница культуры, п. Текстильщики.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 Вид на колокольню Успенского храма со стороны Сухоны
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 1-2)
- 2 Арт-объект на набережной Кускова
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 5)
- 3 Заросли травы на берегу р. Песья-Деньга
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 10)
- 4 Девочка на сборе трав в конце лета
Источник: сообщество ВК «Городской сад»
[URL: <https://clck.ru/33J8EA>] (стр. 15)
- 5 Блюдо из молозива
Источник: полевой архив Демида Иванова (стр. 18)
- 6 Пироги на день деревни в Усть-Печеньге
Источник: полевой архив Демида Иванова (стр. 18)
- 7 Хозяйка в Варницах демонстрирует ухват
Источник: полевой архив Демида Иванова (стр. 20)
- 8 Хозяйка достает готовые блюда из печи (Варницы)
Источник: полевой архив Демида Иванова (стр. 22)
- 9 Готовые блюда внутри печи (Варницы)
Источник: полевой архив Демида Иванова (стр. 23)
- 10 Купеческое чаепитие у Дома Токарева, 16 июля 2022
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 34)
- 11 Дом художника Ф. М. Вахрушова в Тотьме (стр. 36)
Автор: С. Г. Ивенский
- 12 Выгрузка вторсырья из сортировочных контейнеров в Тотьме
Источник: сообщество ВК «Жить экологичнее в Тотьме»
[URL: <https://clck.ru/33J8Hp>] (стр. 38)
- 13 Репетиция группы Threat Has Overtake в пространстве «Антресоль»
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 43)
- 14 Кадр из клипа Threat Has Overtake
Источник: архив Яски Добровой (стр. 45)
- 15 Кадр из клипа Threat Has Overtake
Источник: архив Яски Добровой (стр. 45)
- 16 Егор Блинов на выставке «ДиноКОМП» в 2018 году
Источник: сообщество ВК «Старинная Тотьма.
Тотемское музейное объединение»
[URL: <https://clck.ru/33J8KU>] (стр. 47)
- 17 Татуировка бывшего участника творческого объединения «Тьма»
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 48)
- 18 Часовня церкви Святой Троицы на Зелене
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 52)
- 19 Карта наличников. Центральная часть Тотьмы
по книге Елисеева Е. Б. Тотемская деревянная резьба. (стр. 54-55)
- 20 Резной водосток на доме в Центральном районе Тотьмы
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 56)
- 21 Дом на улице Ленина, 77
Источник: полевой архив Елены Смольковой (стр. 57)
- 22 Дом Токарева на улице Горького
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 58)
- 23 Резные наличники на разных домах
в Центральном районе Тотьмы
Источник: полевой архив Елены Смольковой (стр. 59)
- 24 Вид на берег реки
Источник: полевой архив Анны Очерет (стр. 63)
- 25 Колокольня Успенского храма
Источник: полевой архив Яски Добровой (стр. 66)
- 26 Иллюстрация Марины Горбуновой (стр. 68)
- 27 Иллюстрация Марины Горбуновой (стр. 71)
- 28 Корчага из экспозиции музея «Открытое хранение фондов»
Источник: полевой архив Дарьи Москвиной (стр. 75)
- 29 Прялки из собрания музея «Открытое хранение фондов»
Источник: полевой архив Дарьи Москвиной (стр. 79)
- 30 Участники гонки «Русский Север 2022»
Источник: сообщество ВК «РУССКИЙ СЕВЕР |
этап Кубка мира IFSS»
[URL: <https://clck.ru/33J8Nt>] (стр. 84)
- 31 Участники гонки «Русский Север 2022»
Источник: сообщество ВК «РУССКИЙ СЕВЕР |
этап Кубка мира IFSS»
[URL: <https://clck.ru/33J8Nt>] (стр. 87)
- 32 Собака Алиса, одна из подопечных организации «Дворяне»
Источник: сообщество ВК «Дворяне»
[URL: <https://clck.ru/33J8Pm>] (стр. 90)

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Научно-популярное издание

ТРАДИЦИИ И СИМВОЛЫ СРЕДНЕГО ПОСУХОНЫЯ

Составитель: **Рахманова** Лидия Яковлевна

Оформление и дизайн: **Доброва** Яска

Редколлегия:

Рахманова Лидия Яковлевна (ответственный редактор)

Новосёлов Алексей Михайлович

Чернега Артём Андреевич

Шамахова Юлия Николаевна

Подписано в печать ?? ?? ??

Формат: 70x100/16 (165x235мм). Усл. печ. л. ???

Гарнитуры: EB Garamond, PT Sans. Бумага офсетная

Тираж 300. Заказ 1498

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Тел. 8(8172) 72-61-75.

E-mail: price@pfpoligrafist.com

